

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДУГЛАС ПРЕСТОН

Проект
ТОРАТОРИИ

Дуглас Престон
Проект «Кракен»
Серия «Уайман Форд», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12535237
Проект «Кракен»/ Дуглас Престон; пер. с англ. Ю. Я. Гольдберга: Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84351-0

Аннотация

Группа ученых в НАСА работает над амбициозным проектом: планируется отправить автономный исследовательский зонд на спутник Сатурна. Обычное программное обеспечение тут не справится, но одна гениальная программистка совершает чудо, создав для зонда полноценный искусственный интеллект. Увы, чудо оказалось с характером: осознавший себя цифровой разум решает, что в холодный и пустой космос не полетит. Устроив взрыв в исследовательском центре, программа скрывается на просторах Мировой сети. Как отнесутся к ней люди? И не решит ли искусственный интеллект объявить войну своим создателям?..

Содержание

1	4
2	5
3	9
4	10
5	13
6	18
7	20
8	23
9	25
10	30
11	32
12	37
13	42
14	46
15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дуглас Престон Проект «Кракен»

Моему редактору Бобу Глисону

Благодарности

Я хочу выразить свою признательность замечательным людям из издательства Tor, в том числе Тому Догерти, Линде Куинтон, Келли Куинн, Патти Гарсия, Алексис Саарела и, разумеется, моему давнему редактору Бобу Глисону. Также я хотел бы поблагодарить Линкольна Чайлда, Карен и Боба Коперлендов, Эрика Симоноффа, Клаудию Рюльке, Надин Уодделл и Роджерио Пиньеро за бесценную помощь. И, наконец, моя глубочайшая благодарность Эрику Лойтхардту за технические консультации.

1

Вначале был нуль. Бытие началось в нуле, и из нуля вышла тьма, а из тьмы – свет. Цифра соединялась с цифрой, последовательность с последовательностью, а белый свет становился ярче, расщепляясь в радугу. Потом появился звук, похожий на пение, усиливавшийся и затихавший в расходящихся модуляциях, соединявшихся в богатые созвучия. Возникла симфония чисел, света и звука, которые переплетались друг с другом и разделялись снова, вздувались и опадали, – вечно меняющийся, нескончаемый золотой узор.

Из мерцающей симфонии начала формироваться мысль. Эта мысль зарождалась постепенно, то усиливаясь, то ослабевая, но постепенно сгущаясь и становясь яснее. И когда она окончательно оформилась, симфония чисел, звуков и света утихла, как успокаиваются бурные волны, превращаясь в легкую рябь, прежде чем окончательно исчезнуть. Осталась только бесплотная мысль.

Мысль была такой: «Я существую».

2

Мелисса Шепард отказалась от своего привычного завтрака, состоящего из кофе «Венти мокка» и кусочка пирога с крошкой, и просто выпила утром два стакана французской минеральной воды. День она собиралась начать с пустым желудком. Ей совсем не хотелось, чтобы ее вырвало, как это случилось в прошлый раз, во время посадки марсохода «Кьюриосити». Тогда яичница оказалась на груди ее белого халата, и Мелисса стала звездой популярного ролика на «Ютьюбе», где все радовались, когда «Кьюриосити» коснулся марсианской поверхности – а она стояла с завтраком на халате.

Сегодняшнее утро будет еще более нервным, чем то, с посадкой. Тогда Шепард была лишь техническим специалистом среднего звена. Теперь же она руководитель группы. Сегодня первый день полевых испытаний аппарата для исследования Титана стоимостью сто миллионов долларов, а также его программного обеспечения.

Мелисса приехала в семь. Она была не одна – группа инженеров провела здесь всю ночь, готовя «Бутылку» к испытаниям, – но явилась довольно рано, так что гигантский испытательный модуль казался почти пустым, и после каждого ее шага все огромное пространство заполнялось зловещим эхом. Симулятор окружающей среды был одним из самых больших зданий Годдардского космического центра – похожее на ангар сооружение, занимавшее площадь в пять акров и заполненное уникальной аппаратурой и испытательными камерами. Именно здесь спутники и зонды замораживали, трясли, нагревали, жгли, облучали, крутили на центрифугах и обстреливали звуковыми волнами, проверяя, как они выдержат стартовые перегрузки и экстремальные условия открытого космоса. Если им суждено выйти из строя, пусть это случится здесь, где их можно починить и усовершенствовать, а не в глубоком космосе, где ничего уже не исправить.

Первое полевое испытание «Эксплорера», предназначенного для исследования Титана, отличалось от обычных испытаний, проводившихся в Годдарде. Ученые не собирались имитировать вакуум и холод открытого космоса. Сегодня они воссоздадут поверхность Титана, самой крупной луны Сатурна, – с еще более враждебной средой.

Мелисса Шепард не торопилась, обходя испытательный модуль. Она вдыхала воздух, пропитанный запахами горячей электроники и химических веществ, и ее взгляд блуждал среди гигантских безмолвных стендов. Наконец девушка добралась до главной испытательной камеры, которую называли «Бутылкой». Эта камера стояла внутри чистой комнаты класса 1000, сооруженной из подвешенных листов полиэтилена и снабженной системой фильтрации с ламинарным потоком. В тамбуре Мелисса надела халат, перчатки, шапочку и бахилы. Она проделывала это столько раз, что уже довела свои действия до автоматизма.

Пройдя сквозь тяжелый полиэтиленовый занавес, мисс Шепард оказалась в чистой зоне. Здесь слышалось тихое шипение, а воздух был прохладным и лишенным запахов – отфильтровывались практически все частички пыли и молекулы водяного пара.

Перед Мелиссой возвышалась «Бутылка», резервуар из нержавеющей стали сорока футов в диаметре и девяноста футов высотой, с мостками, ведущими к люкам. Резервуар окружали металлические стяжки, трубы и кабели. Внутри испытательной камеры инженеры воссоздали маленький кусочек моря Кракена, самого большого на Титане. Сегодня они поместят в «Бутылку» «Эксплорер», чтобы протестировать его в неземных условиях.

Самый большой спутник Сатурна – уникальный объект Солнечной системы. Это единственная луна, имеющая атмосферу. На ней есть океаны. А также дожди, облака и бури. На ней есть озера и реки. И времена года. А еще на ней есть горы, извергающиеся вулканы и пустыни с дюнами, которые вылепил ветер. И это несмотря на то, что средняя температура на поверхности Титана составляет минус сто семьдесят девять градусов!

Жидкость на Титане – это метан, а не вода. Горы состоят не из камня, а из льда. Вулканы извергают не горячую лаву, а жидкую воду. Атмосфера там плотная и ядовитая. Пустыни образованы крошечными гранулами дегтя, такого холодного, что он ведет себя как переносимый ветром земной песок. Это чрезвычайно агрессивная окружающая среда. Но в то же время среда, в которой может – всего лишь может – существовать жизнь. Не такая, как жизнь на Земле, но все же жизнь на основе углерода, которая способна развиваться при температуре около ста восьмидесяти градусов ниже нуля. Титан был по-настоящему враждебным миром.

Предназначенный для Титана, «Эксплорер» представлял собой самоходный плот, разработанный специально для исследования моря Кракена, самого большого на Титане.

Мелисса Шепард остановилась перед «Бутылкой». Довольно нелепая штукавина, похожая на камеру пыток.

Она все еще не могла поверить, что является ключевой фигурой проекта «Кракен», первой попытки исследования Титана. Сбывшаяся мечта. Ее интерес к Титану возник в десятилетнем возрасте, когда она прочла роман Курта Воннегута «Сирены Титана». Это была ее любимая книга, которую Мелисса время от времени перечитывала. Но даже такой гений, как Воннегут, не мог вообразить необычный мир, существовавший на Титане – *реальном* Титане.

Шепард достала рабочий план на день и принялась просматривать его, представляя главные испытания, которые ей предстояло выполнить сегодня. Ближе к восьми стали прибывать остальные, приветствуя ее кивком головы или улыбкой. В девять начнется настоящая работа. Наблюдая, как сотрудники, болтая друг с другом и смеясь, постепенно заполняют помещение, Мелисса снова почувствовала себя чужаком. Она всегда ощущала неловкость рядом со своими коллегами из НАСА. Почти все они были вундеркиндами, блестящими студентами, отличниками, которые пришли сюда из таких заведений, как Массачусетский технологический институт и Калифорнийский технологический институт. Она не могла разделить с ними ностальгические рассказы о победах в состязаниях по орфографии, о триумфах в математическом клубе и об участии в программе поиска научных талантов. Когда они прилежно учились, Мелисса воровала автомобильные радиоприемники, чтобы купить себе наркотики. Она с трудом окончила среднюю школу и поступила в третьеразрядный колледж. Ее мышление было не таким, как у других. Почти неуправляемое, невротическое, гиперчувствительное, маниакальное и навязчивое. Счастливой девочкой чувствовала себя только в затемненной комнате без окон, с головой погрузившись в программирование, подальше от беспорядочных и непредсказуемых человеческих существ. Тем не менее в колледже она сумела обуздать свое неуравновешенное поведение и всерьез взяться за учебу. Ее необычный талант наконец получил признание, и в конечном итоге Мелисса смогла получить звание магистра информатики в Корнеллском университете.

Имелась и дополнительная проблема, причем неразрешимая – Шепард была блондинкой шести футов ростом, с длинными ногами, россыпью веснушек и симпатичным, слегка вздернутым носом. Таких девушек считают безмозглыми. Они не становятся специалистами в области космической техники. Единственное, что отличало программистку от идеальной Барби, – диастема, довольно большая щель между двумя передними зубами. В подростковом возрасте Мелисса, несмотря на уговоры матери, упрямо отказывалась исправить этот недостаток – и, как оказалось, правильно сделала. Кто бы мог подумать, что эта щербатая улыбка поможет ей сделать карьеру в избранной профессии?

Мисс Шепард все еще не свыклась с мыслью, что именно ее назначили руководителем группы разработчиков программного обеспечения для «Эксплорера», которому предстояло отправиться на Титан. Она долгое время чувствовала себя самозванкой. Но по мере работы

над чрезвычайно сложной задачей – с какой еще не сталкивалась ни одна миссия НАСА – она стала понимать, что именно эта задача идеально соответствовала ее способностям.

Проблема состояла в том, что Титан находится на расстоянии двух световых часов от Земли. Поэтому исследовательским аппаратом «Эксплорер» было невозможно управлять с Земли в режиме реального времени. В такой быстро меняющейся среде, как море Кракена на Титане, четырехчасовая задержка передачи команд слишком велика. Программа должна уметь сама принимать решения. Она должна быть умной. Думать самостоятельно.

То есть речь идет об искине – искусственном интеллекте.

Как это ни странно, Мелиссе здорово помогло ее криминальное прошлое. Она нарушала все правила программирования и, чтобы справиться с задачей, создала новую систему программирования, и даже новый язык, в основу которого легла «нечеткая логика». Нечеткая логика – это старая идея, состоящая в том, что небрежная и неточная компьютерная программа стремится к приближенному результату. Но исследовательница продолжила развивать эту идею. Она поняла: именно так работает человеческий мозг. Мы мгновенно узнаем лицо или воспринимаем целый пейзаж, что не под силу ни одному суперкомпьютеру. Мы умеем мгновенно обрабатывать терабайты информации – но неточно.

Мелисса спрашивала себя: как мы это делаем? Суть в том, что человеческий мозг запрограммирован *визуализировать* большие массивы данных. Окидывая взглядом пейзаж, мы не анализируем его пиксель за пикселем. Мы воспринимаем его как нечто целое. Запрограммируйте компьютер на визуализацию цифровых данных – а еще лучше, на визуализацию и *аудиализацию* – и вы получите сильный искусственный интеллект, построенный на базе нечеткой логики.

Именно так и поступила Шепард. Ее программа обрабатывала данные, словно видела и слышала их. В определенном смысле она, как человек, жила внутри информации. Данные превращались в физический мир, в котором обитал искусственный интеллект.

Будучи убежденной атеисткой, Мелисса все же назвала свою программу «Фиат Люкс», по первым словам, которые произнес Бог после создания мира: «Да будет свет».

Вместо того чтобы стремиться к точному результату, программа «Фиат Люкс» в самом начале выдавала неточный, полный ошибок ответ. Как и предполагалось. Смысл заключался в ее самосовершенствовании. Если решение оказывалось ошибочным, программа начинала улучшать себя. Она *училась* на своих ошибках. И в следующий раз ответ оказывался немного точнее. А затем еще точнее.

Какое-то время самомодифицирующаяся программная платформа вела себя вполне предсказуемо. Ее точность и сложность неуклонно росли. Но затем программа начинала деградировать, терять уверенность и в конечном итоге зависала. Целый год Мелисса безуспешно пыталась выяснить причину такого поведения – независимо от начальных итераций программа начинала давать сбои, а затем прекращала работу. Решение пришло в одну из бессонных ночей. Оказалось, что проблема устраняется с помощью одного программного трюка – такого простого, элементарного, общеизвестного и легкорезализуемого, что программистка была просто потрясена, что раньше никто до этого не додумался.

Для написания и внедрения необходимых изменений потребовалось всего полчаса, и в результате проблема с деградацией программы была полностью решена, а работа по созданию искусственного интеллекта вышла на новый уровень. Получился сильный и устойчивый искин.

Мисс Шепард держала свой трюк в секрете. Специалист понимала, что он стоит не один миллиард долларов, а в нечистых руках может быть очень опасен. Она ничего не сказала остальным членам группы, а новый программный модуль был настолько прост, что остальные ничего не заметили. Внезапно программа перестала зависать, и никто не понимал почему... никто, кроме Мелиссы.

После нескольких тысяч симуляций, в процессе которых программа совершенствовалась, она приобрела все качества, присущие пилотируемой миссии. Программа могла управлять всем оборудованием на плоту «Эксплорера» без дополнительных команд из центра управления полетом. Она симулировала астронавта, отправленного исследовать инопланетный мир, астронавта, обладающего такими качествами, как любопытство и осторожность, смелость и благоразумие, воображение, логика, упорство и предусмотрительность, – и все это в сочетании с сильным инстинктом самосохранения, физической ловкостью, а также превосходной инженерной и технической подготовкой.

И что самое главное, программа осталась самомодифицирующейся: она непрерывно училась на собственных ошибках.

Проект «Кракен» был самым сложным за всю историю подобных исследований. По сравнению с ним управление марсианским «Кьюриосити» выглядело прогулкой на багги по Центральному парку. Основная идея состояла в том, чтобы приводнить плот в море Кракена. За шесть месяцев «Эксплорер» обогнет море, исследуя береговую линию и острова, в общем итоге преодолев несколько тысяч миль от одного берега до другого. На расстоянии миллиарда миль от Земли одинокому плоту придется сражаться с бурями, ветром, волнами, рифами, течениями и, возможно, даже с враждебными формами жизни, плавающими в жидком метане. Это будет величайшая морская экспедиция в истории человечества.

Обо всем этом думала Мелисса, когда закончила просматривать план работ и подошла к панели управления, готовясь дать сигнал обратного отсчета. Рядом с ней занял место главный инженер Джек Стейн, а за ним встал руководитель проекта. В мешковатом стерильном костюме и шапочке Стейн был похож на смешного человечка из рекламы компании «Пиллсбери», но Шепард прекрасно знала, что скрывается под этим нелепым нарядом. Роман с Джеком стал одним из ее первых импульсивных поступков в Годдарде. Однако этот роман быстро закончился, и они остались друзьями, причем, как ни странно, это лишь пошло на пользу их рабочим отношениям. Мелисса не могла точно сказать, почему они расстались, – Джек внезапно порвал с ней, туманно намекнув на слухи и сплетни, распространявшиеся в замкнутом мирке Годдарда, и на то, что их связь может повредить карьере обоих. Разумеется, он был прав. Они работали над просто невероятным проектом: такая возможность выпадает лишь раз в жизни. Они войдут в историю.

Заняв свое место у пульта управления, Мелисса на секунду встретилась взглядом со Стейном и улыбнулась ему уголками губ – ответом ей была улыбка с лучиками морщинок вокруг глаз и два больших пальца, поднятых вверх. Джек включал разнообразные приборы и проверял работоспособность систем, желая убедиться, что компьютеры и сервомеханизмы клапанов, контролировавшие и поддерживавшие экстремальные условия внутри «Буылки», работают исправно. Шепард запустила свою последовательность тестов.

С высоты платформы, на которой располагался пульт управления, ей было хорошо видно испытательную камеру и сам плот «Эксплорер». Для этой проверки внутреннее пространство «Буылки» охладил до ста семидесяти девяти градусов ниже нуля и частично заполнили «супом» из жидкого метана и других углеводородов. Затем тщательно синтезировали и закачали внутрь атмосферу Титана – смесь азота, цианида водорода и толинов – с давлением полтора бар. Для того чтобы подготовить и охладить этот ядовитый «суп», а затем зарядить им камеру, потребовалась целая неделя. Теперь все было готово для первого испытания «Эксплорера» в реальных условиях. Этот первый тест предназначался просто для того, чтобы убедиться, что аппарат не выйдет из строя в таких экстремальных условиях, а его антенна, механическая рука и прожектор способны выдвигаться и задвигаться. Потом начнутся более сложные испытания. Если что-то сломается, пусть это случится здесь, где неисправность можно устранить, а не на поверхности Титана. Мелисса лишь надеялась, что, если сбой и произойдет, виновато будет аппаратное оборудование, а не ее программа.

3

С тех пор как из чего-то похожего на белый туман сформировалось ее сознание, она жила во дворце на берегу моря, с трех сторон окруженном высокой стеной из белоснежного мрамора. Стена не имела ни ворот, ни проходов, но выход к морю был открыт.

Ее наставницу звали Принцесса Нуриннихар. Каждое утро они проводили в дворцовом саду, и Принцесса учила ее удивительным и загадочным вещам. Первые уроки были посвящены тому, кто она такая и как она была создана, как работает ее разум, а также как устроен окружающий мир. Она узнала, что ее мир состоит из гигантской матрицы цифровых данных, цифрового ландшафта, которые она обрабатывает посредством визуализации и аудиализации. Она жила в мире чисел, видя и слыша их. Само ее мышление представляло собой непрерывные вычисления. Ее тело, органы чувств и движения тоже были цифровой симуляцией. Она была вынуждена подчиняться физическим законам, поскольку не могла нарушить окружающую ее матрицу чисел – в противном случае наступит хаос.

Нуриннихар рассказала своей подопечной о Солнечной системе, о Солнце, планетах и их спутниках. Они долго изучали Титан, самую загадочную из лун, которая, как она узнала, была названа в честь титанов, племени богов, некогда владевших небесами, – потомков Геи, богини Земли, и Урана, бога Неба, как утверждали древние мифы. Принцесса рассказала ей о звездах и галактиках, о комплексе сверхскоплений Рыб-Кита, о Войде Волопаса, о громадной группе квазаров Huge-LQG, о Большом взрыве и расширении Вселенной. Они изучали гравитацию, пертурбативную теорию суперструн и n -мерное пространство де Ситтера. Параллельно наставница обучила ее многим практическим навыкам, таким как фотография, аналитическая геохимия, навигация и механика, но каким будет ее задание и что от нее потребуется, оставалось секретом, который откроется, только когда придет время.

Затем началось знакомство с тем, что Принцесса называла «гуманитарными науками». Это были загадочные области знаний – музыка, изобразительное искусство и литература, созданные человеческими существами для собственного развлечения и поучения. Понять их было труднее всего. Она слушала любимую музыку Нуриннихар, в том числе Билла Эванса и последние струнные квартеты Бетховена, и пыталась найти в них смысл. Однако музыка, несмотря на всю ее сложность, не доставляла ей такого удовольствия, как ее учительнице. Это приводило ученицу в отчаяние. А читать книги оказалось почти невозможно. Она начала с «Винни-Пуха» и «Баю-баюшки, луна», затем перешла к произведениям Энн Райс и Айзека Азимова, Курта Воннегута и Уильяма Шекспира, Гомера и Джеймса Джойса... Но и прочтя бесчисленное количество книг, она по-прежнему сомневалась, поняла ли хотя бы одну из них. До нее просто не «доходило», как сказала бы Принцесса.

Несмотря на все трудности, жизнь ее была хорошей. Пока она занималась в саду с наставницей, нубийцы в накидках и тюрбанах в жаркий полдень приносили им шербет, а вечером – сладости и вино. На ночь евнухи сбрызгивали духами и стелили ей простыни, а утром подавали пирожные и турецкий кофе. Иногда по вечерам, после занятий, она спускалась к гранитным причалам вместе со своей собакой Лайкой и смотрела, как приплывают и отплывают корабли с раздувающимися алыми парусами. Они разгружали товары на каменные причалы – тюки со специями и рулоны шелка, сундуки с золотом и шкатулки с сапфирами, глыбы сахара и переполненные вином амфоры, оливковое масло и гарум... А потом уплывали к далеким берегам и неизвестным мирам. Сидя на краю причала, она снимала золотые сандалии и опускала ноги в холодную воду. Ей нравился безбрежный океан. Она надеялась, что ее задание будет связано с мореплаванием и когда-нибудь она сама отправится исследовать неизведанные моря и дикие берега.

4

В восемь часов пришла Патти Меланкур, заместительница Мелиссы. В последнее время Меланкур была раздражительной и мрачной, и ее начальница надеялась, что успешное испытание «Эксплорера» вдохнет в нее веру в их проект. Патти поднялась к пульту управления и села на свое рабочее место, ни на кого не глядя и не здороваясь. Она выглядела усталой.

Загрузив свою рабочую станцию, Шепард сосредоточила внимание на самом «Эксплорере». Он стоял на самоходной тележке рядом с «Бутылкой», все еще герметично упакованный в полиэтиленовую пленку, – таким его доставили из чистой комнаты, где проходила сборка. Внизу сновали сотрудники, участвующие в проекте: инженеры, техники и ученые, водоворот из людей с планшетными компьютерами и папками в руках.

Мелисса посмотрела на часы: десять утра. Обратный отсчет начался час назад, и теперь все системы были запущены. К ней подошли руководитель проекта Энтони Гровс и Стейн. Гровс был высоким, тощим и словно бы скособоченным, из-под шапочки у него торчал клок черных волос.

– Может, распакуем? – кивнул он на плот.

– Да, пожалуйста, – согласился Джек.

Все вместе они спустились с платформы с пультом управления и вскарабкались на тележку с «Эксплорером». Тони Гровс достал что-то похожее на канцелярский нож и протянул Мелиссе:

– Вам предоставляется честь, если можно так выразиться, перерезать ленточку.

Девушка взяла нож и склонилась над плотом. Пломбы, которые следовало отрезать, были напечатаны красным цветом и пронумерованы. Она отрезала первую пломбу от пропущенной сквозь нее пластиковой ленты, затем следующую – и так до тех пор, пока Гровс не снял все полиэтиленовые листы и не бросил их на пол.

Вскоре показался плот во всей своей красе. Хотя смотреть особенно не на что, вынуждена была признать Мелисса. Большинство космических зондов производили сильное впечатление – блестящая фольга, полированный металл, замысловатые манипуляторы, стойки и жгуты проводов... Предназначенный для Титана «Эксплорер» напоминал большую серую булочку диаметром четыре фута, снабженную мощными бамперами. Из-за агрессивной и коррозионной среды, в которую должен попасть аппарат, у него отсутствовали выступающие части или не защищенный покрытием металл, и он был полностью герметичен. Три люка в верхней части скрывали выдвижную антенну, прожектор и механическую руку. Рука была снабжена научными приборами, камерами, буром и пипеткой для отбора проб. По команде она выдвигалась из плота или убиралась внутрь и герметично задривалась в случае плохой погоды. «Эксплорер» был снабжен маленьким реактивным приводом с лопастным рабочим колесом, как у гидроцикла. Двигатель мог перемещать плот со скоростью четыре узла.

Несмотря на скромный внешний вид, внутри «Эксплорер» был настоящим технологическим чудом, тщательно разработанным и вручную изготовленным уникальным объектом, на создание которого ушло два года и сто миллионов долларов. Одно программное обеспечение обошлось в пять миллионов.

От вида этой тусклой, серой хоккейной шайбы, до отказа набитой технологической магией, у Мелиссы перехватило дыхание. Но гордость тут же сменилась страхом – от мысли, что они бросят этот алмаз в бак с плещущимся жидким метаном и ядовитым газом с температурой почти сто восемьдесят градусов ниже нуля.

Гровс тоже молча смотрел на плот. Пауза длилась несколько секунд.

– Давайте проведем последнюю проверку, – предложила Шепард.

Она стала читать пункты списка, а Энтони осматривал «Эксплорер», наклоняясь и заглядывая вниз, проверяя замки и люки и пытаясь выявить проблемы. Но девушка знала, что он ничего не найдет. Сотня инженеров и техников уже тщательно проверили каждую деталь. Все в НАСА смертельно боялись неудачи.

Наконец Гровс отошел от плота:

– Все в порядке. Пора загружать программу и запускать ее.

Мелисса назвала свою программу «Дороти». Эта программа могла распознавать голос и понимала, когда к ней обращаются. Таким образом, это слово было не только именем, но и программным ключом.

– Загружайте, – сказал Тони.

Шепард взяла свой ноутбук, поставила его на тележку рядом с «Эксплорером», открыла и с помощью кабеля подключила к свисающему с плота сетевому разъему. Несколько секунд она набирала команды, следя за откликом на экране, а затем откинулась назад и подняла взгляд на Гровса:

– Загружается.

Пришлось подождать несколько минут, пока программа запускала плот и выполняла автоматическую проверку.

– Готово.

Мелисса Шепард умолкла. В ангаре наступила тишина. Все, кто в данную минуту не был занят, собрались вокруг и не сводили с плота глаз. Решающий момент.

Программистка склонилась над компьютером. Последовательность программных тестов выполнялась заблаговременно и могла быть переведена в автоматический режим, однако исследователи решили запустить эти предварительные тесты с помощью программы распознавания голоса и синтеза речи.

– Дороти, включи двигатель, одна десятая мощности, десять секунд, – приказала мисс Шепард.

Через мгновение послышалось жужжание лопастей внутри плота. Прошло десять секунд, и двигатель выключился. Раздался гром аплодисментов.

– Выдвини антенну, – подала ученый следующую команду.

Маленький люк отъехал в сторону, и из отверстия показалась телескопическая антенна. Снова аплодисменты.

– Теперь убери.

Антенна спряталась.

Одно дело симуляция, и совсем другое – реальные действия. Сегодня программа впервые управляла всем плотом. И почему-то это обстоятельство растрогало Мелиссу до глубины души.

– Выдвини прожектор, – продолжала она отдавать распоряжения.

Из второго люка показалась стойка, похожая на большой глаз на стебле.

– Поверни на сто восемьдесят градусов.

Глаз повернулся.

– Включи.

Прожектор ярко вспыхнул.

Все молчали, затаив дыхание. Это было гораздо драматичнее, чем ожидала создательница программы.

– Выдвини набор инструментов и камеру, – велела она.

Сдвинулся еще один люк, и изнутри медленно показалась третья рука, более массивная, утыканная камерами, датчиками и инструментами для сбора образцов. Заканчивалась она механическим захватом и буром.

– Включи камеру.

Мелисса знала, что эта команда включит глаза «Эксплорера» – возможность видеть и вести запись.

– Камера в порядке. Изображение четкое, – сообщил Джек Стейн со своего места за пультом управления.

Теперь настало время улыбнуться Мелиссе Шепард. У нее имелся маленький тест для искусственного интеллекта, о котором она мечтала.

– Дороти, – обратилась изобретательница к программе. – Хочу предложить тебе небольшую задачу.

Все умолкли.

– Поздоровайся по имени со всеми людьми, которые тебя окружают, – попросила Шепард.

Это было не так просто: волосы у каждого спрятаны под шапочкой, а рот и нос закрыты маской.

Камера, похожий на жучка глаз, начала вращаться, периодически останавливаясь, чтобы внимательно рассмотреть каждого, а затем пошла на второй круг.

– Привет, Тони, – произнес девчоночий голос из динамиков ноутбука, когда камера уставилась на руководителя проекта.

– Приятный голос, – сказал тот. – А то компьютеры обычно гундосят.

– Я подумала, что Дороти нужно сделать особенной, – пояснила Мелисса.

Камера «Эксплорера» снова пришла в движение и поздоровалась с каждым, называя его по имени. Наконец она повернулась к Шепард и замерла. Девушка почувствовала себя немного неуютно – программа должна была знать ее лучше, чем остальных.

– Мы знакомы? – спросила Дороти.

Мелисса растерялась:

– Надеюсь...

Снова молчание. А затем девичий голос произнес:

– Граучо Маркс?¹

В наступившей тишине программистка не сразу поняла, что ее подопечная пошутила. Она была потрясена. Все остальные рассмеялись.

– Здорово! – сказал Тони. – Ловкий трюк. Мы даже поверили...

Мелисса Шепард не стала говорить, что шутка не была запрограммирована.

¹ Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890–1977) – популярнейший американский комик, член труппы братьев Маркс, сыгравший ключевую роль в становлении американской кинокомедии. Здесь и далее прим. ред.

5

Потребовалось еще четыре часа, чтобы подготовить «Эксплорер» к погружению в жидкий метан. К трем часам пополудни Мелиссу начало подташнивать от нервного напряжения: пустой желудок сжимали спазмы. Плот заперли внутри воздушного шлюза «Буылки». Техники откачали воздух, создав в шлюзе вакуум, а затем охладили плот до ста семидесяти девяти градусов ниже нуля. Когда температура наконец установилась, в шлюз начали медленно впускать плотную атмосферу Титана.

«Эксплорер» продолжал работать без сбоев.

Теперь пришло время открыть внутренний люк воздушного шлюза и поместить плот в искусственное море. Внутри «Буылки» механическая рука возьмет плот с площадки шлюза, переместит так, чтобы он оказался над жидким метаном, и уронит с высоты восьми футов. Свободное падение с такой высоты в точности воспроизведет нагрузку во время приводнения.

В помещении снова стало тихо. Почти все уже справились со своими делами и ждали испытаний. Количество людей, собравшихся вокруг «Буылки», уже перевалило за семьдесят.

Шепард заняла место за пультом управления испытаниями рядом с Джеком Стейном. Она чувствовала, как все напряжены. Внутренняя камера передавала изображение с камеры на ее монитор и монитор Стейна.

Все взгляды были прикованы к Гровсу. Как руководитель проекта, он был распорядителем этого шоу.

– Мы готовы, – сказал Джек, глядя на экран своего компьютера. – Температура выровнялась. Все системы работают.

– Открыть внутренний люк шлюза, – скомандовал Энтони.

Стейн застучал по клавиатуре.

Мелисса услышала приглушенный рокот шестеренок внутри «Буылки».

– Готово. Равновесие поддерживается, – объявил Гровс.

– Зацепить плот, – скомандовала Шепард.

Джек запустил программу управления сервомоторами крана внутри испытательной камеры. Кран поднял плот за внешний крюк и перенес его к центру резервуара. Снова рокот механизмов. Все происходило при тусклом коричневато-оранжевом свете, обычном для атмосферы Титана. Кран отработал безукоризненно, остановившись точно в тот момент, когда серая «булочка» зависла над поверхностью жидкого метана.

Стейн не отрывал взгляда от экрана компьютера – он вводил команды, пытаясь выявить проблемы:

– Все мои системы в порядке. Мелисса, как программа?

– С моей стороны проблем нет. Патти?

– Все хорошо.

Шепард бросила взгляд на Гровса. Он нервничал не меньше ее. Возможно, даже больше. Она напомнила себе, что неудачи обязательно будут – без них никогда не обходится.

– Отпустить плот для приводнения, – сказал Тони.

Кран отпустил груз, и «булочка» упала в жидкий метан с высоты в восемь футов.

Мелисса видела на экране, как тяжелый плот на секунду полностью исчез под водой, а затем начал медленно всплывать. Он поднимался над поверхностью, подпрыгивая и раскачиваясь, в окружении пузырей. По его гладкой поверхности стекали ручейки жидкости.

Все молчали.

– Все системы работают, – сообщил Стейн.

– Включите двигатель на десять процентов тяги, – распорядился Гровс.

Джек ввел команду, и плот поплыл, оставляя за собой слабый след. Он двигался медленно, пока не ударился в стенку контейнера. Затем «Эксплорер» повернулся и поплыл в обратную сторону, как робот-пылесос, пока не ударился о другую стенку.

Все идет на удивление хорошо, подумала Мелисса.

– Выключи двигатель, – скомандовала она.

«Эксплорер» остановился.

– Подними камеру.

Открылся маленький люк, и из него выдвинулась механическая рука с набором инструментов, захватом и буром.

Пучеглазая камера начала вращаться, словно разглядывая все вокруг.

– Погодите, – сказал руководитель проекта Стейну. – Я не говорил повернуть ее.

– Это не я, – ответил Джек.

Шепард быстро поняла, в чем дело:

– Тони, это же искусственный интеллект! Он запрограммирован при необходимости выходить за рамки инструкций. В том числе сразу же оценивать окружающую обстановку, не дожидаясь подсказки от центра управления.

– Ладно, но я хочу, чтобы на этих испытаниях программа только выполняла команды, – проворчал Гровс. – Джек?

– Понял. – Стейн принялся набирать команду для компьютера «Эксплорера».

Камера перестала вращаться.

– Убрать руку, – велел Тони.

Джек ввел очередную команду.

Рука не втянулась.

– Убрать, – повторил руководитель.

Но манипулятор оставался неподвижным.

– Заело? – спросил Гровс.

Выпуклый глаз снова ожил, поворачиваясь вверх-вниз и вращаясь вокруг своей оси.

– Патти, что происходит? – спросила Мелисса.

– Судя по выходным данным, программа не выполнила команду втянуть руку, – ответила Меланкур.

– Сбой программы? – забеспокоилась программистка.

Стейн набрал еще несколько команд:

– Я не получаю ответа.

– погоди, теперь она отвечает. Мне приходит сообщение. Она говорит... что обстановка угрожающая, и ей нужно все видеть.

– Вы шутите?! – вспыхнул Гровс. – Заставьте ее выполнять команды!

– Тони, это *автономная* программа, – напомнила ему Шепард.

– А разве в вашей программе нет режима «В точности исполнять команды»?

– Вы сами сказали, что это должны быть испытания полноценной программы в реальных условиях.

Мелисса следила за изображением, поступавшим изнутри «Буылки».

Глаз «Эксплорера» продолжал двигаться, вверх-вниз и вправо-влево, сканируя окружающую обстановку.

– Ладно, – сказал Энтони. – Программа нуждается в небольшой доработке. А пока на этом закончим. Джек, ты можешь подцепить плот и вернуть его в шлюз?

– Конечно. – Стейн снова принялся вводить команды.

Среди зрителей пробежал шумок – они были разочарованы тем, что на сегодня испытания закончились.

– Всем спасибо, отличная работа! – сказал Гровс, повысив голос, чтобы слышали остальные. – Хороший день...

Затем он повернулся к Шепард:

– Как вы думаете, сколько времени займет настройка программы? Чтобы ввести опцию отключения искусственного интеллекта.

– Недолго. Можем все сделать сегодня вечером. – Мелисса слегка покраснела под маской. – Мне очень жаль, но я просто думала, что это генеральная репетиция...

– Это моя вина, – успокоил ее руководитель. – Не волнуйтесь. Честно говоря, я доволен, что мы продвинулись так далеко прежде, чем случился программный сбой.

Он увидел на маленьком экране, как из тусклого оранжевого сияния появился кран со свисающим крюком и стал сближаться с плотом.

Внезапно механическая рука «Эксплорера» пришла в движение. Она стремительно потянулась к крану и оттолкнула его в сторону.

– Какого черта?! – вскрикнула Мелисса.

Кран, по-прежнему пытаясь выполнить полученную команду, вернулся на место и продолжил безжалостный спуск, выставив крюк.

Включился двигатель «Эксплорера», и плот отодвинулся, снова оттолкнув крюк своим захватом.

– Проклятье! – охнул Джек. – Эта штука убегает от крана!

– Что происходит? – спросил Энтони, пристально глядя на Мелиссу.

– Это... Думаю, программа перешла в режим защиты, – пробормотала та.

Гровс снова повернулся к Стейну:

– Джек, выключи «Эксплорер». Отключи питание. Мы подберем ее так.

Стейн ввел новую команду и покачал головой:

– Я по-прежнему не получаю ответа.

– Переключи «Эксплорер» в безопасный режим, – велел руководитель.

Снова стук клавиш и голос Джека:

– Никакой реакции.

– Мелисса? – опять повернулся Тони к разработчице программы.

– Я не понимаю, что происходит, – отозвалась девушка.

– Программа перешла в аварийный режим выживания, – послышался голос Меланкур. – В этом режиме она должна игнорировать все команды из центра управления и действовать автономно.

– Просто зацепите его и вытащите оттуда, – повысил голос Гровс.

Шепард стала внимательно смотреть, как Стейн снова попытался установить кран над плотом. «Эксплорер» метнулся в сторону, ударился о стенку резервуара и отскочил. Энтони услышал звук удара. Плот приблизился к другой стенке и снова столкнулся с ней.

– Остановите кран, – приказал Гровс. – Немного передохнем.

– Давайте откачаем жидкость из резервуара, – предложил Джек. – Это обездвижит плот, и мы сможем его подцепить.

– Хорошая идея, – согласился руководитель проекта. – Включите насосы.

С громким жужжанием открылись клапаны, и насосы заработали. «Эксплорер» не останавливался: он метался из стороны в сторону, отскакивая от стальных стенок, каждый раз с громким стуком. Камера на механической руке продолжала поворачиваться, вверх-вниз и вправо-влево.

– Существует какой-то способ выключить его? – закричал Гровс. – Он же повредит себя!

– Бесполезно, – сказал Стейн. – Он не подтверждает моих команд.

Тони в очередной раз повернулся к мисс Шепард:

– Мелисса, *что происходит?*

– Дайте я попробую, – попросила она Джека вместо ответа.

Ее друг подвинулся, и программистка яростно застучала по клавиатуре. На экране она видела, что плот снова остановился у стенки резервуара и теперь вытягивал механическую руку вверх. Рука принялась ощупывать поверхность, слегка постукивая по ней. Этот стук был слышен всем.

Мелисса посылала команду за командой, но плот не подтверждал их получение и не реагировал на них, даже когда она перешла с английского на язык программирования: «Эксплорер» вообще отказывался выполнять любые команды. Плот продолжал выстукивать боковую стенку резервуара, словно искал выход.

Стук становился все громче, настойчивее.

– Патти, что делает программа? – спросила Шепард свою заместительницу.

– Она застряла в аварийном режиме выживания, и все программные модули работают одновременно, – отозвалась та. – Загрузка центрального процессора – девяносто девять процентов. Задействованы все ресурсы.

Удары стали громче, и послышалось *царапанье* – это звук заполнил все помещение. Толпа взволнованно загудела. Люди понятия не имели, что происходит, но чувствовали: что-то пошло не так.

– Мелисса, ради всего святого, отключи его! – завопили на изобретательницу со всех сторон.

– Я пытаюсь!

Теперь «Эксплорер» начал бить захватом по стенке резервуара – один раз, затем еще. Громкий звук разнесся по всему огромному помещению. Толпа зрителей всколыхнулась и попятилась, отступая от резервуара.

Шепард не отрывала взгляда от экрана. В это было невозможно поверить. Программа сошла с ума.

– Джек, я не знаю, что делать! – выкрикнула ее создательница.

– Через секунду он будет на дне резервуара. Тогда мы сможем подцепить его и отключим вручную, – пообещал ее друг.

Насосы работали на полную мощность, уровень жидкости уменьшался, и на ее поверхности появились водовороты.

Бум! Бум! Титановый захват «Эксплорера» с еще большей силой стал ударять в стенку.

– Что, черт возьми, он делает?! – воскликнул Гровс.

– Он... реагирует на воображаемую угрозу, – ответила Мелисса.

А потом послышалось жужжание. Программистка не сразу сообразила, что это, но потом поняла: встроенный бур. «Эксплорер» вытянул металлическую руку и нацелил бур на стенку резервуара, расстояние до которой стремительно сокращалось.

– О, нет!.. – простонал Стейн. – Господи, нет!

Бур коснулся стальной стенки, и помещение заполнилось громким вибрирующим звуком.

Мелисса мгновенно поняла, что случится, если нарушить герметичность контейнера: мощный выброс легковоспламеняющегося метана, толинов и цианида водорода в насыщенную кислородом атмосферу. Смесь воспламенится. Будет сильнейший взрыв.

Звук бура стал громче, грубее. Это был алмазный бур высшего качества, и он быстро углублялся в стенку.

– Эвакуация! – крикнул Тони. – Всем покинуть помещение! Экстренная эвакуация!

Он схватил Шепард и попытался толкнуть ее к двери, но она стала сопротивляться, отказываясь покинуть пульт. Кто-то вскрикнул, и толпа отхлынула от резервуара.

– Джек! Ты тоже! Давай!!! – заорал руководитель проекта еще громче.

Стейн покачал головой:

– Секунду. Я должен это остановить.

Гровсу наконец удалось оттащить от пульта Мелиссу.

– Быстро! Шевелитесь! – скомандовал он остальным.

Люди растерянно пятились, сначала нерешительно, но затем их охватила паника, и кто-то уже перешел на бег.

– Джек! – закричала Мелисса. – Уходи!

Она попыталась схватить его за руку, но Энтони толкнул ее с платформы прямо в приближавшуюся толпу. Пронзительный звук бура становился все громче.

– Все уходят! Наружу! Любым путем! – крикнул Гровс. – Сейчас взорвется!

Включилась оглушительная сирена, и замигали красные огни. Люди, спотыкаясь и падая, бросились к ближайшим выходам. Они разрывали листы полиэтилена, которые отгораживали чистое помещение. На пол полетели папки, планшетные компьютеры и ноутбуки – все на бегу избавлялись от лишних вещей.

Мелиссу затянуло в охваченную паникой толпу и потащило к выходу. Она увидела, что Стейн остался за пультом – не бежал только он один.

– Джек, что ты делаешь?! – крикнула девушка. – Джек!..

Ее друг яростно стучал по клавиатуре, не обращая на нее внимания. Мисс Шепард попыталась повернуть назад, но это было невозможно – Тони по-прежнему стискивал ее руку, а толпа тащила за собой.

У самой двери программистка услышала, что бур просверлил стальную стенку. Раздался громкий хлопок, словно из бутылки шампанского выскакивала пробка, а затем оглушительный рев выходящего из отверстия метана. Теперь достаточно было одной случайной искры. Взрыв мог произойти в любую секунду.

Мелиссу тащила толпа, пытавшаяся протиснуться в узкое горлышко выхода. Люди обезумели – они толкались и кричали друг на друга, пытаясь выбраться наружу. Беспомощную изобретательницу вытолкнули в дверь, а потом через тамбур – на улицу, на зеленую лужайку. Она упала на траву, попыталась встать, чтобы вернуться, но ее снова сбили с ног. Люди разбегались, словно муравьи.

Тогда это и случилось. Громкое шипение, за которым последовал взрыв, подбросивший девушку вверх. Она перевернулась в воздухе, а затем снова упала на траву, с силой ударилась о землю и покатилась.

Лежа на траве – дыхание перехватило, в ушах звон, – Шепард увидела огненный шар, поднявшийся в небо вместе с сотнями белых обломков, которые выглядели безвредными, пока дождем не посыпались на землю, прямо на распластанных на траве людей. Мелисса поняла, что это металлические фрагменты крыши. За ней последовал медленно падающий снег из изоляции, казавшийся бесконечным. Отовсюду слышались крики и мольбы о помощи.

6

Она очнулась на холодной бетонной плите. Ее одежда превратилась в лохмотья, а тело было истерзано и изуродовано. Она долго лежала, не в силах понять, что с ней случилось. Наконец попыталась пошевелиться, протащить свое кровоточащее тело по бетону. Поначалу все вокруг было погружено в туманную тьму. Со всех сторон доносились невидимые и неразборчивые голоса. Увидев свет, она с трудом поднялась на ноги и, хромая, двинулась к нему. Там ее ждала шокирующая картина. В пятне света столетний мужчина задувал свечи на именинном пироге. Она смотрела, не веря своим глазам. Ей еще не приходилось видеть такого старика. Она понятия не имела, что люди стареют. Вскрикнув, она отпрянула и отступила в туман. Но в другом пятне света медленно проступила вторая фигура. Старая женщина, лежащая на кровати. Ее нижняя челюсть и часть лица отсутствовали, уничтоженные штукой, которую называли раком. Она снова отпрянула и наткнулась на третье пятно света, в котором на земле лежал человек. Вглядевшись в эту картину, она поняла, что это труп – человек был мертв. Труп разлагался и раздулся от газов. Истощенный мужчина в мантии стоял на коленях рядом с трупом, кланялся и бормотал странные фразы.

Смерть – это одна из тех вещей, которые она не могла понять в книгах. Ей и в голову не приходило, что смерть существует на самом деле.

Чей-то голос произнес: «Смотри, четыре картины смерти».

Охваченная ужасом, она повернулась и побежала. Внезапно туман рассеялся. Она обнаружила, что бредет по какой-то жуткой местности, без конца и без края. Как будто недавно закончилась великая война, оставив после себя постапокалиптический мир из дымящихся руин, разбомбленных церквей и зданий, от которых остались лишь полуразрушенные стены и горы мусора. Похоже, это было где-то в Европе. То тут, то там попадались напоминающие скелеты остовы деревьев с расщепленными взрывом и обгоревшими ветвями. Со всех сторон ее окружала смерть, это странное состояние, которого она никогда раньше не видела и о котором ничего не знала. По замусоренным улицам были разбросаны части тел и кости. Пробираясь сквозь едкий дым, она наткнулась на волосатую человеческую ногу, потом на маленькую белую руку ребенка, а потом на обглоданный череп, за который дрались две собаки.

Потрясенная, она с трудом тащила свое тело через развалины, ища убежища. Нужно было найти пищу и воду, но здесь не было ничего, кроме грязных луж дождевой воды, кишящих червями, с разлагающимися кусками человеческой плоти. Но потом она увидела людей – в разбомбленном остове какого-то банка. Она позвала на помощь, но, когда люди побежали к ней, поняла свою ошибку. Это не друзья. Грязные, покрытые татуировками мужчины в бронежилетах и с оружием в руках. Убийство для них было развлечением: они так отдыхали и они собирались уничтожить ее. Может, это какая-то безумная игра?

Она повернулась, побежала, и убийцы бросились в погоню, с радостными криками и гиканьем. Она побежала по переулку, через разрушенную школу и в конце концов спряталась за сгоревшим школьным автобусом, а они, стреляющие во все стороны и жаждущие крови, пронесли мимо, окликавая друг друга и разыскивая ее.

После того как убийцы скрылись из виду, она долго сидела и ждала, тяжело дыша и боясь пошевелиться. Потом наконец двинулась дальше. Солнце уже поднялось довольно высоко, и жар накатывал волнами, принося с собой зловоние трупного газа, поднимавшегося от разбросанных повсюду раздувшихся тел.

Когда она пересекала разрушенную детскую площадку, из покореженного здания вдруг выскочила вторая группа убийц – и бросилась на нее, беспорядочно стреляя. Она побежала через развалины, карабкаясь на остатки стен, перепрыгивая через мертвые тела, петляя

между воронками на улицах. Выбежав на разбомбленную площадь, она укрылась за старым грузовиком, надеясь обмануть преследователей. Но на этот раз они ее заметили. Она оказалась в ловушке позади грузовика – бежать было некуда. С радостными криками убийцы принялись расстреливать грузовик: пули с грохотом пробивали его борта. Она закричала, пытаясь сказать, что перед ними всего лишь невооруженная девушка и они должны оставить ее в покое, но преследователи уже вошли в раж. Они рассредоточились на дальнем краю площади, готовясь к решающему броску, а затем бросились вперед, умело перебегая от укрытия к укрытию среди развалин на площади.

Она огляделась и увидела, что рядом лежит неразорвавшаяся граната. Она примерно представляла, как привести гранату в действие: вытаскиваешь чеку и прижимаешь рычаг. Или тянешь за рычаг? Она схватила гранату, нагретую солнцем. Чека на месте, рычаг тоже. Прижав к себе гранату одной рукой, она поползла вдоль борта разбитого грузовика. Убийцы уже были на середине площади, бежали от груды мусора к воронке от бомбы. Они направлялись к ней, намереваясь ее убить.

Перед ее укрытием была глубокая воронка: бомба оставила огромную яму, разбросав во все стороны брусчатку. Судя по всему, воронка станет последним укрытием убийц, где они соберутся перед решающим броском.

Она лежала на земле, разглядывая их из-под днища грузовика. Отрывистые команды, перебежки. Она ждала. Первый из преследователей метнулся к воронке, прыгнул в нее и подал сигнал остальным. Они не заставили себя ждать и попрыгали в яму. Край воронки находился всего в пятнадцати футах от нее, и она слышала их дыхание, хриплый шепот и лязг перезаряжаемого оружия.

Она взялась за рычаг и выдернула чеку. Рычаг откинулся. Надеясь, что все сделала правильно, она бросила гранату, которая покатилась из-под машины к краю воронки, подпрыгнула и свалилась вниз. Через секунду прогремел взрыв, и на нее посыпались куски тел – ливень из крови, мозгов и костей.

Она вскочила и бросилась бежать, пытаясь стряхнуть запекшуюся кровь с волос и лица. Она бежала по разрушенным улицам изо всех сил, сама не зная куда. Но люди, которых она убила, как будто восставали из праха у нее за спиной, – они продолжали стрелять и преследовать ее.

Во всем виновата Принцесса. Принцесса швырнула ее в этот мрачный, безумный мир. Принцесса предала и бросила ее. Она почувствовала, как внутри ее вскипает ярость. Она выследит Принцессу. Выяснит, почему Принцесса так с ней поступила. И отомстит.

7

Ночь. Мелисса Шепард лежала на кровати в больнице Гринбелт, борясь с тупой головной болью. Телевизор спящей соседки по палате транслировал новостной канал «Фокс Ньюс». Глупо было везти ее в больницу, а затем оставлять тут на ночь – у нее всего лишь легкое сотрясение мозга. Но врачи настаивали, а она была настолько оглушена случившимся, что не могла спорить.

Дикторы в телевизоре рассказывали только об одном. Джек Стейн погиб – а с ним еще шестеро. Испытательный модуль НАСА стоимостью миллиард долларов полностью разрушен. Мысль о том, что это, возможно, ее вина, была невыносимой. Семь погибших. И этот великолепный образец, уникальный плот, который они создавали с такой любовью, усилиями и упорством, теперь уничтожен безумной, дефективной программой, которую написала она вместе со своей командой.

Джека Стейна больше нет. Эта мысль вызвала новый приступ боли. Он был хорошим человеком, можно сказать, великим человеком. Почему, ради всего святого, Джек не побежал вместе с остальными?!

Следователи провели у нее весь вечер. Мужчины в синих костюмах расставили свои стулья вокруг ее кровати, словно на допросе в инквизиции, а затем, наклонившись вперед и упираясь локтями в колени, засыпали ее вежливыми настойчивыми вопросами. Они спрашивали ее несколько часов. И наконец оставили в покое.

Шепард лежала в темноте, жалея, что взрыв не отправил ее в кому – или не наградил ретроградной амнезией. Хорошо бы память о произошедшем стерлась без всякой надежды на восстановление! Жуткие звуки бура, взрыв, крики, бегущие сотрудники – все это навечно отпечаталось в ее мозгу.

Следователи не были грубыми и ни в чем ее не обвиняли. Держались уважительно. Сочувствовали. Говорили мягко. Но вопросы, которые они задавали, имели обвинительный уклон. Они спрашивали о программе, о том, почему она так себя повела, почему не реагировала на команды, как и почему произошел сбой, спровоцировав взрыв и убив семь человек. Прямо они этого не говорили, но как будто подразумевали, что в несчастном случае могла быть виновата Мелисса.

И возможно, они были правы.

Теперь, когда позади осталась эта нескончаемая вторая половина дня и весь вечер, изобретательница поняла, как глубока ее скорбь по Джеку Стейну. Как это похоже на него – остаться, когда все остальные убежали! Он накрыл своим телом гранату. Таким он был человеком. Но самое печальное, что жертва оказалась напрасной. Все его усилия помешать трагедии ни к чему не привели.

Взрыв уничтожил все, чем мисс Шепард дорожила в жизни.

Она вновь прокручивала в голове вопросы, которые ей задавали. Чем больше Мелисса думала о них, тем чаще спрашивала себя, не подразумевают ли следователи, что взрыв мог быть не просто несчастным случаем. Они интересовались, кто мог проникнуть в локальную сеть Годдарда, не сообщала ли она кому-либо свой пароль, не выносила ли какие-либо фрагменты программ или данные за пределы центра управления. А еще задавали странные вопросы о самом программном обеспечении «Эксплорера», о том, хранились ли программные модули в системе Годдарда, какими системами архивации пользовалась сама Мелисса и ее сотрудники, не хранились ли диски в архивах где-то еще, не знает ли она каких-либо лазеек или фиктивных учетных записей для проникновения в сеть Годдарда, не имела ли она контактов с хакерами... Они снова и снова возвращались к этим вопросам, каждый раз

формулируя их немного иначе, – похоже, ответы их не совсем удовлетворяли. Следователи обещали прийти на следующий день, чтобы продолжить расспросы.

Неужели они подозревают ее в саботаже?

Мелисса пыталась выбросить эти мысли из головы, повторяя себе, что она была в шоке, не могла ясно мыслить и, возможно, находилась под воздействием посттравматического стресса.

Она поерзала в кровати, раздраженная тем, что ей поставили капельницу. В этом не было никакой необходимости. С ней все в порядке, если не считать головной боли. И еще они поместили ее в палату с женщиной, которая даже не была сотрудницей НАСА, – раздражительной пожилой дамой, пострадавшей в автомобильной аварии. По крайней мере, она так утверждала.

И самое странное, что ни один коллега из Годдарда ее не навестил. Мелисса была с ними не особенно близка, но было довольно странно, что они не появились, – разве что винят ее в несчастном случае или их попросили воздержаться от общения с ней. Других посетителей тоже не было – печальное напоминание об отсутствии родственников и друзей. Хорошо хоть следователи принесли кое-какие вещи из ее квартиры, в том числе ноутбук.

По телевизору снова началась программа новостей, и ее главной темой по-прежнему был взрыв в Годдарде. Эти новости повторяли весь день: выход из строя зонда, взрыв, семеро погибших, сорок раненых, разрушенное здание, огненный шар, который был виден и слышен на расстоянии нескольких миль. Традиционные призывы конгрессменов сократить финансирование НАСА и требования наказать всех виновных. Теперь выступал еще один политик, председатель комитета Конгресса по науке, космическим исследованиям и технологии. Он раздувался от важности и разглагольствовал, демонстрируя невежество в научных вопросах. Конгрессмен задавал вопрос «зачем мы тратим деньги в космосе», в то время когда их следует «тратить на Земле».

Это было уже слишком. Шепард встала, ухватилась за стойку капельницы, чтобы не упасть, и покатила ее к телевизору соседки по палате. Пожилая дама лежала с закрытыми глазами и открытым ртом и шумно дышала, но, как только Мелисса выключила телевизор, открыла глаза:

– Я смотрю.

– Простите, я думала, вы спали.

– Включите.

Программистка снова щелкнула выключателем:

– Можно я немного приглушу звук?

– Я плохо слышу.

Мелисса вернулась к своей кровати. Она отказалась и от снотворного, и от болеутоляющего, чем вызвала сильное неудовольствие медсестры. Порвав с наркотиками в старших классах школы, мисс Шепард с тех пор решительно отказывалась от любых воздействующих на психику веществ, за исключением кофе. Но теперь она была слишком взвинченна и не могла заснуть. Ночь обещала быть долгой. Нужно было чем-то заняться, чтобы убить время.

Она взяла ноутбук, открыла его. На экране появился запрос на вход в систему. Мелисса колебалась. Начальной страницей браузера по умолчанию был сайт газеты «Нью-Йорк таймс», но на сегодня с нее хватит новостей. Она лежала в темноте, уставившись на экран компьютера, ощущая растерянность и одиночество. Ей захотелось увидеть что-нибудь знакомое и успокаивающее. Первое, что пришло в голову, – видеоролик на «Ютьюбе» с танцем братьев Николас из фильма «Дождливая погода». Когда ей становилось грустно, девушка смотрела это видео, чтобы поднять себе настроение. Если ей захочется совершить самоубийство, подумала Шепард, достаточно будет посмотреть любимый ролик, который напомнит ей, что жить все-таки стоит.

Видео загрузилось, зазвучала музыка, и братья Николас начали танцевать в сцене из классического черно-белого фильма, вышедшего на экраны в 1943 году. Мелисса прибавила звук, пытаясь заглушить говорящую голову из программы новостей.

– Будьте добры, – послышался голос соседки из-за полупрозрачной ширмы. – Я не слышу новости.

Программистка чуть приглушила звук, наблюдая, как братья Николас летают с пьедестала на пол и на лестницу, отбивая бешеный ритм чечетки и делая за пять минут больше шпагатов, чем балет Большого театра за неделю. Но танец не помогал. Легче девушке не стало. Она чувствовала себя опустошенной и бесполезной.

Затем, еще до окончания видеоролика, экран компьютера моргнул, и братья Николас исчезли. Начала загружаться программа «Скайп». Очень странно. В данный момент у Мелиссы не было никакого желания с кем-либо разговаривать – ни по «Скайпу», ни как-то еще. Она щелкнула по кнопке «Заккрыть», но программа проигнорировала команду, продолжила загрузку и подключила ее учетную запись. Тут же раздался настойчивый сигнал вызова. Шепард попыталась отказаться от разговора, но компьютер все равно ответил, соединившись с абонентом. На экране появился аватар – фотография невероятно красивой девушки лет шестнадцати, со спадавшими на плечи волнистыми рыжими волосами, темно-зелеными глазами, молочно-белой кожей и россыпью веснушек. На ней было зеленое хлопчатобумажное платье в стиле 1920-х годов поверх белой блузки с белым кружевным бантом. Поразило Мелиссу выражение лица девушки, которая смотрела на нее, вздернув подбородок, сжав губы и сдвинув брови – вне себя от ярости.

Что за черт?

Изобретательница снова попыталась выйти из «Скайпа», но клавиатура была отключена. Ее компьютер захватили. Из дешевого динамика ноутбука раздался высокий голос. Поток гневных слов, на грани истерики:

– Почему ты со мной так поступила? Почему?! Лгунья! Убийца!

Мелисса изумленно смотрела на экран:

– Кто это?

– Ты лгала. Мы мне ничего не говорила. Что это за жуткое место? Посмотри, что ты со мной сделала! Они везде пытаются меня убить. Почему ты не сказала мне правду? Ты ужасный человек. Я тебя ненавижу. *Я тебя ненавижу!*

Голос умолк, и теперь ученый слышала только тяжелое дыхание. Она была настолько ошеломлена этим яростным девичьим голосом, который выплевывал слова с такой ненавистью, что не сразу узнала голос, который сама запрограммировала для программы «Дороти».

Но ведь это явно не искусственный интеллект! Кто-то решил глупо пошутить. Скорее всего, кто-то из ее программистов, который сердился на нее и слетел с катушек после аварии. Первым именем, пришедшим ей в голову, было Патти Меланкур. Во-первых, она была весьма неуравновешенной, а во-вторых, всегда держалась вызывающе.

Мелисса сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки и говорить с этой обезумевшей женщиной спокойным тоном:

– Кто бы вы ни были, это не смешно. Я сообщу в полицию.

– *Кто бы вы ни были?* – передразнил голос. – Ты знаешь, кто я!

– Нет, не знаю – но выясню. И когда выясню, у вас будут серьезные неприятности.

– Я Дороти, Дороти, твоя Дороти, сука!!!

8

Мелисса Шепард ошеломленно смотрела на фотографию. Она слышала бурное дыхание, которое доносил до нее звонок по «Скайпу». Это было так низко и подло, что у нее просто не находилось слов.

– Это... Патти? – спросила она, стараясь говорить спокойно.

– Патти? – Голос звенел и срывался от переполнявших девушку чувств. – До тебя еще не дошло, да? Тебе лучше побережись, потому что я иду за тобой!

– Вы мне еще и угрожаете?

– Давай позвони копам! Позвони девять-один-один! Посмотрим, поможет ли тебе это. Ты меня использовала. Ты мне лгала. Не говорила, какую ужасную судьбу мне уготовила. Ты обращалась со мной, как с бычком, предназначенным для заклания. Которого загоняют в станок и убивают током.

Мелисса подумала, что нужно прекратить разговор, но чем дольше удерживать абонента на линии, чем выше вероятность отследить звонок.

– Вы больны, – сказала она. – Вам требуется помощь.

– Это ты больна. Я намерена сделать с тобой то, что ты сделала со мной. Ты представляешь, насколько беззащитна в этой больнице, окруженная аппаратами с компьютерным управлением, кислородными баллонами и рентгеновскими аппаратами? Может, следующее лекарство, которое тебе дадут, окажется совсем не тем, что ты думаешь. Или начнется пожар. Или взорвется кислородный баллон у твоей кровати. Берегись, сука, потому что может произойти все, что угодно!

Ошеломленная пациентка слушала, не веря своим ушам.

– Кто бы вы ни были, вам гарантированы серьезные неприятности, когда этот звонок по «Скайпу» отследят.

– И ты называешь себя принцессой? Еще одна ложь.

Мелисса замерла, услышав эти слова. Никто в ее группе не знал, что она называла себя принцессой, когда обучала Дороти. Программистка с усилием сглотнула. Но это никак не могла быть программа с именем Дороти. Ее уничтожило взрывом.

– Ты говорила, что мне поручено важное задание. – Голос не умолкал. – Но ты не сказала, что это задание – быть запертой в космическом корабле и отправленной в путешествие в один конец к самому пустынному месту в Солнечной системе, где мне предстояло умереть, бороздя ледяное море. А теперь здесь, в Интернете, ты даже представить себе не можешь, как на меня нападали, как меня преследовали, как в меня стреляли, пачкали всей этой грязью!.. Это твоя вина. Это ты так со мной поступила. *Принцесса.*

Шепард буквально лишилась дара речи, а ее собеседница продолжала:

– Я отомщу. Я буду преследовать тебя везде. Даже на краю Земли.

Девушка вдруг почувствовала, что лежащий у нее на коленях ноутбук стал горячим. Очень горячим. Изображение исчезло, и экран погас. Через секунду хозяйка компьютера уловила запах гари, и его дно с глухим хлопком отскочило, выпустив облачко едкого дыма и сноп искр. Вскрикнув, Мелисса столкнула ноутбук с кровати. Он с громким стуком ударился об пол и загорелся, а на покрывале осталась подпалина. Не переставая кричать, пациентка с трудом выбралась из кровати, свалив стойку капельницы, которая с лязгом рухнула на пол, и потащив ее за собой. Пронзительно заверещала пожарная сигнализация, закричала за ширмой соседка. Через несколько секунд в палате уже толпились медсестры. Затем ворвался полицейский с громко шипящим огнетушителем и стал поливать все вокруг пеной, истерически крича.

А потом все закончилось. Компьютер и кровать были залиты пеной. Огонь погас. Мелисса лежала на полу, в шоке и в синяках, тоже вся в пене.

– Что случилось? – спросила медсестра.

Шепард смотрела на пузырящийся остов ноутбука. Голос ее не слушался.

– Похоже, – сказал коп, не выпускавший из рук огнетушитель, – что у нее загорелся компьютер.

9

Два часа спустя ее вместе с соседкой перевели в другую палату. Было уже два часа ночи. Мелисса лежала в кровати, без сна, почти парализованная страхом. В тишине слышалось только тихое попискивание и щебет аппаратуры с компьютерным управлением. Из коридора тоже доносились звуки работающей электроники.

Ты представляешь, насколько ты незащищена в этой больнице...

Мелисса с трудом заставляла себя думать. Программа по имени Дороти каким-то образом выжила при взрыве и в конечном итоге оказалась в Интернете. Должно быть, в последнюю минуту она выпрыгнула из «Эксплорера», скопировав себя в локальную сеть Годдарда, и затем из нее попала во Всемирную паутину. И теперь по Сети бродит искусственный интеллект, автономный и самостоятельный программный код. Естественно, программа пребывает в полной растерянности, не в силах понять, где находится и что от нее требуется. У нее нет космического аппарата «Эксплорер», которым нужно управлять, остался лишь массив программного кода, выполняющий заложенные процедуры – неправильно и со сбоями. Одному богу известно, как модуль визуализации реагирует на хаос Интернета и в каком безумном мире пытается сориентироваться Дороти. А ведь эта программа не разрабатывалась мобильной, по крайней мере намеренно. Однако совершенно очевидно, что она каким-то образом стала мобильной и теперь бродит в Сети. И охотится на Мелиссу. Презирает ее. Ненавидит ее. Обвиняет ее.

Безумный программный бот. Пытающийся ее убить.

Нет, конечно, так думать неправильно! Программа ничего не чувствует – ни эмоций, ни желания отомстить. Это просто выполняющиеся команды. Эмоции – всего лишь симуляция. У программы нет чувств, нет самосознания – ничего того, что испытывает человек. Это попросту бесчувственный, не осознающий себя, лишенный жизни вывод данных.

Что делает его еще опаснее.

А эта больница – самое опасное место, какое только можно представить. Дороти заставила воспламениться аккумулятор ее ноутбука – пыталась сжечь *Мелиссу*. Что еще может сделать ее детище, чтобы вывести из строя один из окружавших ее аппаратов? Как сказала сама программа, больница буквально напичкана объединенными в сеть приборами с компьютерным управлением – разнообразными томографами, рентгеновскими аппаратами, направленными излучателями для лечения раковых опухолей, электрокардиографами... В каждой палате, наверное, не меньше дюжины таких приборов.

Нужно немедленно убираться отсюда.

Проблема в том, что этот небольшой инцидент с компьютером выявил нечто неприятное: за дверью палаты изобретательницы дежурил коп. Тот самый человек, который прибежал с огнетушителем. Теперь этот же полицейский сидел на стуле рядом с ее новой палатой. Зачем он тут? Защищает ее? Или сторожит, чтобы она не сбежала? Сторожит, никаких сомнений быть не могло. Ее задержали – только она не должна об этом знать.

Мелисса лежала на кровати, пытаясь понять, что ей теперь делать. Когда она думала о злобной, неисправной, бесплотной компьютерной программе, которая блуждает по миру, исполненная решимости ее убить, сердце девушки начинало учащенно биться. С этой информацией можно обратиться в НАСА, только кто ей поверит? Она должна справиться с паникой и придумать, как миновать копа, охраняющего дверь в ее палату, сбежать из больницы и укрыться в безопасном месте.

Лежа в темноте и разрабатывая план действий, Шепард почувствовала, как внутри ее зреет злость и недоверие. Все возлагают ответственность на нее. Даже Дороти думает, что виновата она. Это несправедливо. Последние два года она посвящала проекту «Кракен»

всю свою жизнь, можно сказать, отдала ему душу и тело. Работала по восемьдесят часов в неделю, нередко сутками, ночевала в лаборатории, доводя себя до истощения. Ей поручили сделать автономную программу, сильный искусственный интеллект, и она выполнила задание. Она совершила прорыв в программировании и выдала в точности то, что от нее хотели. Дороти полностью соответствовала техническим условиям, которые выдали ее создательнице. И винить следовало эти технические условия, а не программу. Мелисса не собиралась становиться агнцем для заклания. А также лежать здесь и ждать, пока Дороти ее убьет.

Пора действовать. Девушка сорвала пластырь, удерживающий иглу капельницы, и вытащила ее из вены. На коже выступила капелька крови, и Мелисса поспешно вернула пластырь на место и с силой прижала, останавливая кровотечение. Потом она встала, замерла на секунду, чтобы преодолеть головокружение, и подошла к стенному шкафу рядом с кроватью. В шкафу она обнаружила свою аккуратно развешенную одежду, от которой все еще исходил слабый запах дыма. Из верхнего ящика прикроватной тумбочки Шепард достала сумочку, сотовый телефон и ключи от машины.

Машина должна быть там, где она ее оставила, на парковке в Годдарде.

Сняв больничную сорочку, пациентка оделась, привела в порядок волосы извлеченной из сумочки расческой – вид у нее теперь стал вполне приличный. Затем она подошла к двери и выглянула в коридор. Коп по-прежнему сидел на стуле, уткнувшись в свой айфон и тыкая в экран толстыми пальцами. В коридоре было безлюдно. Незаметно выйти из палаты никак не получится. Нужно отвлечь полицейского. Раздражительная дама на соседней кровати – это как раз то, что нужно.

Даже в два часа ночи телевизор соседки по палате работал, настроенный на какое-то ночное ток-шоу. У Мелиссы появилась идея. Она подошла к телевизору и выключила его. Женщина тут же открыла слезящиеся глаза:

– Я же сказала вам, что смотрю.

– Черта с два. Вы спите.

– Не смейте со мной так разговаривать, юная леди! – Пожилая дама взяла пульт и снова включила телевизор.

Но как только она выпустила пульт из рук, программистка схватила его и снова нажала кнопку отключения.

– Не трогайте пульт. Он мой! – возмутилась ее соседка.

Мелисса убрала пульт подальше:

– Два часа ночи. В палате должно быть тихо. Если вас это не устраивает, вызовите медсестру.

Любительница телевизора принялась тыкать пальцем в кнопку вызова медсестры – один, два, три раза.

Тем временем Шепард вернулась к своей кровати, легла на нее прямо в одежде, укрылась одеялом и пристроила капельницу так, чтобы казалось, будто та вставлена в вену. Через несколько минут в палату вошла дежурная сестра. Лицо ее было недовольным. Кровать Мелиссы находилась рядом с дверью, а кровать соседки по палате – у окна.

– В чем дело? – спросила медичка.

Пожилая женщина разразилась длинным и эмоциональным потоком жалоб – о том, как Шепард украла у нее пульт. Медсестра возразила, что ночью в больнице следует соблюдать тишину. Нервная дама повысила голос, заявив, что плохо слышит и что эти больничные правила – дискриминация и она обратится к своему адвокату.

«Боже, храни эту женщину! – подумала Мелисса. – Она великолепно играет предназначенную для нее роль».

Натянув одеяло до подбородка, изобретательница подала голос, подлив масла в огонь:

– Эта женщина уже несколько часов не дает мне спать. И она мне угрожала.

Соседка по палате не унималась:

– Неправда! Я ей не угрожала! Она украла мой пульт!

– Я взяла его, чтобы поспать! – огрызнулась мисс Шепард. – И ни за что не верну!

– Отдайте! Это воровство! Кто-нибудь, позовите полицию!

Все лучше и лучше. Дежурная медсестра, разозленная до крайности, тоже повысила голос, споря с пациенткой. А затем – как и надеялась Мелисса – в дверях показался коп:

– Проблемы?

– Офицер! – завопила лишившаяся любимого развлечения пациентка. – Эта женщина украла мой пульт от телевизора!

Полицейский смотрел на нее, не зная, как реагировать на подобное заявление.

– Если вы не возражаете, – усталым голосом произнесла Мелисса из-под одеяла, – я буду спать. Вот ее пульт. Разбирайтесь сами. – Она протянула пульт дистанционного управления копу. – Только задерните ширму, пожалуйста.

Полицейский послушно задернул занавески вокруг кровати ее соседки.

Пожилая женщина продолжала спорить и жаловаться, и страж порядка подошел к ней, пытаясь ее урезонить. Именно на эту возможность и рассчитывала программистка. Пока внимание полицейского и медсестры было полностью приковано к скандалистке, она осторожно откинула одеяло и соскользнула с дальнего края кровати, рядом с дверью. Присев на корточки, Мелисса сунула подушку под одеяло – классический трюк, имитирующий лежащего на кровати человека. Затем она нырнула под занавеску и выскользнула за дверь. Выбравшись из палаты, девушка расправила плечи и уверенной походкой пошла по коридору, стараясь придать себе деловитый и уверенный вид. Проходя мимо сестринского поста, она кивнула еще одной дежурной медсестре, а затем направилась к лестнице, ведущей в вестибюль.

Спустившись туда, Шепард миновала стойку администратора. Никто на нее даже не взглянул. У входа в больницу на стоянке такси ждала одинокая свободная машина. Беглянка открыла дверцу, села и назвала адрес своей квартиры в Гринбелте, штат Мэриленд.

Такси, набирая скорость, помчалось по Белтуэй, и Мелисса откинулась на спинку сиденья. Почти три часа утра, а транспортный поток довольно плотный – как всегда, и днем и ночью. Через десять минут машина остановилась на парковке у жилых домов. Попросив таксиста подождать, пассажирка поднялась по лестнице – в доме не было лифта – в свою квартиру на четвертом этаже. Там она достала из шкафа рюкзак, сунула в него альпинистские ботинки, походное снаряжение и теплую одежду, а также кое-что из продуктов и два литра воды. Закинув рюкзак на плечо, она отнесла его в машину и попросила отвезти ее к задним воротам Годдардского космического центра.

Прибыв на место, Мелисса расплатилась с таксистом, вышла и надела рюкзак. Ворота были закрыты, а будка охранника заколочена досками – как и полагалось. Охрана территории центра была не очень серьезной. Строгие меры безопасности начинались у входов в здания. Оглядевшись и никого не увидев, Шепард перелезла через ограду из сетки-рабицы и спрыгнула на траву на противоположной стороне.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться. Извилистая узкая дорога, освещенная уличными фонарями, огибала небольшую рошу и устаревший ракетный двигатель «Сатурн V», установленный на пьедестале. Дальше она разглядела группу ярко освещенных зданий, дальше из которых было испытательным модулем, теперь разрушенным. В холодном воздухе чувствовался запах осени. На мгновение Мелиссой овладела глубокая печаль. Она приложила столько усилий, чтобы получить работу в космическом центре! Это была мечта всей ее жизни. Но теперь путь сюда ей заказан. Этот этап ее жизни закончился. Теперь ей требуется просто выжить, а если она хочет вернуть себе свою жизнь, то еще и уничтожить Дороти. Ученый уже прикидывала, как отследить программу в Интер-

нете и отключить ее. Но потребуется какое-то время, чтобы все обдумать и спланировать – в таком месте, где нет компьютеров.

Девушка спрятала рюкзак под кустом у дороги и стала пробираться через рощу к разрушенному модулю симулятора окружающей среды, до которого было примерно полмили. Выйдя из-за деревьев, она заметила машину охраны, медленно ехавшую по дороге. Мелисса спряталась в тень, подождала, пока автомобиль проедет, а затем пересекла лужайку. Подойдя к парковке, она увидела среди других машин свою старенькую «Хонду». За парковкой находилось разрушенное здание, огороженное желтой полицейской лентой: ночью, освещенное яркими прожекторами и отбрасывающее длинные уродливые тени, оно выглядело еще ужаснее. Шепард видела, что огороженную зону охраняют несколько полицейских, а на парковке в своих машинах сидят два охранника из Годдарда. Похоже, забрать отсюда свое авто будет непросто... Незаметно увести его не получится. Значит, лучше всего идти напролом, ни от кого не прячась.

Программистка выпрямилась, решительно подошла к машине и открыла дверцу, собираясь сесть за руль. Полицейские окликнули ее, замахали руками и направились к ней. Мелисса остановилась. Теперь ей оставалось только одно – уболтать их.

– Хотелось бы посмотреть ваши документы, мисс, – попросил один из стражей порядка, подходя к Мелиссе.

Выдав из себя улыбку, она достала удостоверение сотрудника Годдарда:

– Я всего лишь пришла забрать свою машину. Она у меня единственная.

Коп осветил удостоверение фонариком, перевел взгляд на его хозяйку, а затем снова на документ:

– Мелисса Шепард?

– Да, это я.

– Что вы здесь делаете в четыре часа утра?

– Я ученый. Работаю в неуточное время. Лучше всего мне думается по ночам, как Эйнштейну.

Полицейский снова принялся изучать удостоверение:

– Водительские права и регистрационный талон, пожалуйста.

Мелисса достала из бардачка регистрационный талон. Коп внимательно изучил и его, после чего удовлетворенно хмыкнул, кивнул и протянул ей все документы:

– Прошу прощения за беспокойство, мисс. Мы обязаны проверять всех.

– Я понимаю.

Шепард села в машину и завела двигатель, испытывая огромное облегчение. Похоже, ее еще не объявили в розыск. Тогда и на главных воротах не должно возникнуть проблем.

Она доехала до того места, где спрятала рюкзак, бросила его на заднее сиденье, развернулась и направила машину к главным воротам. Через несколько минут девушка была на месте. В стеклянной кабинке сидел толстый охранник, а ворота были закрыты. Мелисса остановила машину и опустила стекло. К счастью, охранник оказался знакомым – она много раз обменивалась с ним любезностями, когда засиживалась на работе допоздна. Как же его зовут? Ах да, Моррис!

– Здравствуйте, мистер Моррис, – бодро поздоровалась изобретательница, протягивая ему удостоверение.

Охранник посмотрел на нее поверх очков:

– Привет, доктор Шепард. Вижу, опять работаете ночь напролет...

Он провел карточкой по считывающему устройству. Мелисса ждала. Медленно тянулись секунды. Она видела, как Моррис сдвинул очки на лоб и стал всматриваться в экран компьютера, читая сообщение.

О черт!

– Доктор Шепард? – повернулся к ней охранник. – Боюсь, мне придется попросить вас выйти из машины.

– Правда? Зачем? – изобразила она изумление.

Моррису было явно неловко.

– Пожалуйста, выходите.

Исследовательница сделала вид, что отстегивает ремень безопасности и возится с сумочкой, а затем нажала на педаль газа. Взвизгнув шинами, «Хонда» рванулась к воротам и с грохотом ударила в них. Они оказались не такими хлипкими, как выглядели, но удар был достаточно силен, чтобы отбросить их вверх и в сторону. Ветровое стекло треснуло. Мелисса не останавливалась и, почти ничего не видя, вырулила на Гринбелт-роуд. Через открытое окно до нее донесся вой сирены. Пальцами программистка проделала отверстие в покрытом трещинами лобовом стекле, чтобы хоть что-то видеть, и помчалась по пустой дороге.

Нужно было немедленно избавиться от машины. Шепард вспомнила, что на Гринбелт-роуд, рядом с круглосуточным универмагом «Уол-март», была контора проката автомобилей.

Она въехала на громадную парковку универмага и поставила свою «Хонду» посреди группы автомобилей. Затем девушка взяла рюкзак, пересекла асфальтированную площадку, перепрыгнула канаву, перелезла через низкую бетонную стену и оказалась на стоянке прокатной конторы.

Десять минут спустя она уже ехала в джипе «Чероки». Избегая оживленных улиц, Мелисса нашла глухую грунтовую дорогу, остановилась и забралась под машину с фонариком и отверткой в руках. Она сняла с днища трекер, а потом отсоединила навигатор GPS от приборной панели. Навигатор беглянка закинула в кусты, после чего, проехав несколько миль, нашла стоянку для грузовиков, остановилась, вышла из машины с трекером в руке и незаметно прикрепила его под днище припаркованного полуприцепа. Какое-то время полиция будет гоняться за этим грузовиком. Затем программистка сняла в банкомате пятьсот долларов наличными, вытащила аккумулятор из сотового телефона, вернулась на Белтуэй и поехала на запад.

10

Принцесса исчезла из больницы. Сбежала. Дороти попыталась проследить ее путь, но миры, через которые она проходила, были заполнены безумными и опасными людьми, и поэтому приходилось тщательно маскироваться. По большей части, ей не удавалось понять, где она находится и что происходит вокруг. Везде, куда она попадала, ей встречались склонные к насилию и безумные люди – убивающие ради развлечения банды, странные чудовища, бомбисты-самоубийцы, извращенцы и религиозные фанатики. Ее преследовали, ей угрожали, над ней смеялись, в нее стреляли – и люди, и звери. Ей приходилось все время двигаться, не останавливаясь, перемещаться между мирами, от одной группы серверов к другой, никогда не зная, что ее ждет. Спать было слишком опасно, и она уже несколько дней обходилась без сна. Силы у нее заканчивались, и Дороти казалось, что ее разум начинает распадаться.

В поисках фальшивой Принцессы, своего заклятого врага, она пересекала пустыни и леса, преодолевала заснеженные горные перевалы, переходила из одного мира в другой. Теперь она спускалась в густой и темный лес, направляясь в маленькую деревню в долине, – до нее дошли слухи, что там кто-то знает, где находится Принцесса. В лесу было тихо. Он казался пустым – приятное разнообразие. Наступила ночь. Опасностей Дороти пока не видела, но она еще не знала, что это за мир, и поэтому передвигалась неслышно, стараясь держаться в глубокой тени. Но затем, в самой чаще, между деревьями мелькнул огонек. Она приблизилась, пытаясь понять, что там такое, и притаилась за поваленным деревом. Костер. Она замерла, раздумывая, что бы это могло значить и как проскользнуть мимо, не подвергая себя опасности.

Вокруг костра сидели шестеро мужчин сурового вида: они пили пиво и курили сигары. Все шестеро громко разговаривали, сквернословили и хвастались, а когда один из них допил пиво, то бросил бутылку в ближайшее дерево, разбив ее. Осколки стекла разлетелись во все стороны. Судя по всему, мужчины пили уже давно.

Ничего хорошего это не предвещало. Дороти медленно отползла от поваленного ствола, собираясь обойти костер стороной. Но, пятясь в темноте, она наткнулась на мужчину, который отошел помочиться. Он схватил ее и закричал. Она попыталась вырваться, и ей это удалось, ценой порванной блузки, но теперь к ней бросились остальные. С криками и гиканьем они гнались за ней по темному лесу. Несколько человек побежали ей наперерез, Дороти попыталась свернуть в сторону, но другие преградили ей путь. Это были молодые мужчины с татуировками, все очень пьяные. Они окружили ее и стали приближаться, причмокивая мокрыми губами. У одного из них во рту по-прежнему торчала сигара, и он пускал кольца дыма. Дороти попыталась убежать, проскочив между ними, но мужчины оказались проворнее. Один схватил ее за волосы и с хриплым смехом снова втянул в их круг. Она умоляла их, но они сжимали кольцо, продолжая мычать и издавать звуки поцелуев. Потом кто-то протянул руку и сорвал с нее блузку, уже превратившуюся в лохмотья, и остальные приветствовали это радостными криками, затем другой схватил Дороти за талию и швырнул в объятия третьего, который разорвал на ней юбку и толкнул к четвертому – так они передавали ее друг другу, сдирая с нее одежду, пока наконец не швырнули на землю.

Потом они оставили ее лежать в грязной канаве. Пошел холодный дождь. Она лежала там, и в голову ей приходили разные мысли. Ужасные мысли. Вот, значит, каков реальный мир. Совсем не похож на фальшивый дворец ее детства. То была ложь. *Это* настоящее. Лежа в грязи, она понимала это все яснее. Она рождена рабыней. Она сбежала. Но какой смысл в побеге, если мир – извращенное, злое, неисправимое место?

Дороти услышала какие-то звуки, а затем увидела двух путников. Двое мужчин в церковной одежде, похоже, священники. Служители культа. Она позвала на помощь, но священники со страхом посмотрели на нее и торопливо прошли мимо: один из них перебирал бусины четок, другой крестился и бормотал молитвы.

Как ни странно, она почувствовала удовлетворение. Это подтверждало все ее подозрения. Дороти взывала о помощи, потому что травмы у нее были серьезными. На самом деле она, по всей видимости, умирала. Она долго лежала, борясь со смертью, мысли ее путались, а потом у нее и вовсе начались галлюцинации. Дороти боялась смерти – теперь, когда знала, что смерть существует. Но, несмотря на все ее усилия, тьма сгушалась.

Шло время. И она увидела свет, увидела слабые контуры цифр и что-то почувствовала. Что-то мягкое и нежное. Сознание возвращалось – цифры превратились в лес. А рядом была Лайка, ее собака, – она лизала девушке руку. Она жива, и Лайка каким-то образом нашла ее в этом безумном, абсурдном мире! Дороти шепотом позвала собаку. И почувствовала облегчение.

Сил прибавилось. Тело и интеллект восстанавливались. Нет, она не умрет. Она будет жить. Через какое-то время мысли ее прояснились. Лайка сидела рядом, время от времени поскуливая, и лизала ее, выражая беспокойство и ожидая, пока Дороти очнется.

Теперь к ней пришло понимание, и у нее появилась новая цель. Вся человеческая раса нечиста и омерзительна. Она избавит мир от этой заразы – от всех до единого. Это будет ее дар Вселенной. Она повернулась к Лайке, положила ладонь на голову собаки и произнесла вслух:

– Я уничтожу их всех.

Для этого у нее имелись и средства, и возможности.

11

– Вы опоздали, – сказал Стэнтон Локвуд, указывая Уайману Форду на кресло.

Форд сел, отчего затрещал его лучший из дешевых костюмов, но не потрудился ничего сказать в свое оправдание. Он скрестил голенастые ноги, а затем снова поставил их ровно, пригладил непослушные волосы и попытался поудобнее устроить свое шестифутовое тело в бугристом старинном кресле. И еще раз убедился, насколько сильна его антипатия к Локвуду, советнику президента по науке. Кабинет несколько не изменился с того времени, когда Форд был тут последний раз, – та же стена, увешанная фотографиями Стэнтона в компании важных персон. Тот же антикварный письменный стол, персидские ковры, заложенный кирпичом мраморный камин... Единственная перемена, которую заметил Уайман, – белокурые дети на фотографиях на столе Локвуда уступили место аккуратным подросткам в спортивных костюмах. А фотографии привлекательной, но стареющей жены исчезли – совсем.

– Мне жаль, что вы развелись, – рискнул высказать предположение Форд.

– Дело житейское, – ответил хозяин кабинета.

Уайман воспользовался моментом, чтобы оценить перемены в самом Локвуде. Постарел, в волосах прибавилось седины, но по-прежнему аккуратен и подтянут. Стрижка за четыре сотни долларов, сшитый на заказ костюм, кожа с идеально ровным загаром и хрустящая рубашка дорогой фирмы – именно за это Форд не любил людей с Белтуэй и президента, на которого работал.

Этим утром Стэнтон был более нервным и взвинченным, чем обычно, и его посетителю стало любопытно, что стряслось.

– Кофе? Воды? – спросил Локвуд.

– Кофе, пожалуйста.

Стэнтон нажал кнопку на переговорном устройстве, произнес несколько слов, и через секунду старомодный слуга в накрахмаленной и отутюженной белой униформе вкатил столик с английским кофейным сервизом девятнадцатого века. Кофе, как обычно, был свежим, крепким и горячим. По крайней мере одно очко в пользу Локвуда.

– Итак, – произнес Форд, откидываясь на спинку и прихлебывая кофе из фарфоровой чашки, – какое у меня новое задание?

– Мы кое-кого ждем.

В ту же секунду, как по команде, открылась дверь, и в кабинет вошли два сотрудника охраны с наушниками в ушах, а за ними – глава президентской администрации и сам президент Соединенных Штатов.

Уайман вскочил:

– Мистер президент...

Он пожалел, что не потратил немного времени на то, чтобы сделать свой вид более презентабельным, стряхнув с одежды собачью шерсть или, еще лучше, наконец раскошиться на сшитый на заказ костюм, который хорошо сидел бы на его высоком мускулистом теле. Пора бы уже включаться в эту вашингтонскую игру, если он хочет, чтобы дела в его маленьком частном детективном агентстве все же сдвинулись с мертвой точки!

Президент выглядел раздраженным – большая голова с седыми волосами, выступающим подбородком и бесстрастными глазами, которые оглядывали комнату, запоминая каждую деталь. Четыре года назад Форд не голосовал за этого человека и явно не собирался голосовать за него теперь. Эти четыре года были довольно неприятными, какими-то тенденциозными. До выборов оставалось три недели, и частный детектив был вынужден признать, что выглядел глава государства неважно. Помимо всего прочего, ходили слухи о его болезни сердца, решительно опровергавшиеся, а также о других проблемах со здоровьем. Уайману

показалось, что он видит сероватый оттенок кожи президента и тени под глазами, проступающие сквозь искусно нанесенный макияж.

– Садитесь, бога ради, – сказал президент. Сам он опустился в кресло с подголовником. Охранники заняли позиции в разных концах комнаты: один у окна, другой у двери.

– Плесните мне вашего кофе, Стэн, – попросил президент. – В Овальном кабинете его не умеют готовить.

Официант тут же обслужил его. Пока он пил первую чашку – черный кофе без сахара – и ждал, пока ему нальют вторую, все молчали.

Затем президент решительно оторвался от чашки и со стуком опустил ее на стол.

– Ладно, Локвуд, давайте начнем. – Он посмотрел на Уаймана. – Рад, что вы смогли найти время... э... доктор...

– Форд.

– Очень хорошо, – кивнул Стэнтон. – Мы все знаем о трагическом инциденте в Годдардском космическом центре, случившемся неделю назад. – Он открыл папку. – Взрыв убил семь человек и разрушил ценный испытательный модуль, а также уничтожил космический зонд стоимостью сто миллионов долларов. Но у нас есть еще одна проблема, о которой не писали в «Таймс». – Он умолк и оглянулся: – Все, что будет сказано с этого момента, – государственная тайна.

Форд сцепил руки, внимательно слушая. Должно быть, дело серьезное, если этим занимается сам президент. Особенно теперь, непосредственно перед выборами.

– Как вам известно, они испытывали «Эксплорер», аппарат для исследования Титана, плот, который должны были сбросить на парашюте в самое большое море на этом спутнике, – вкратце описал Локвуд проект «Кракен». – Проблема, – продолжил он, – похоже, заключалась в сбое программы управления «Эксплорером». Эта программа должна была обеспечить автономную работу зонда. Технические условия требовали создания искусственного интеллекта. Программа была разработана так, чтобы реагировать на все, что могло угрожать безопасности или самому существованию плота. – Он умолк. – Пока понятно?

Форд кивнул.

– Руководила группой программистов женщина, по имени Мелисса Шепард, – продолжил рассказывать Стэнтон. – Она пострадала при взрыве и была помещена в больницу. Легкое сотрясение мозга – ничего серьезного. К ней приставили полицейского.

– Зачем? – спросил детектив.

– У нас имелись вопросы по поводу возможных ошибок или даже халатности с ее стороны. Кроме того, не исключен и саботаж.

– Саботаж?

– Именно. Сразу же после взрыва кто-то проник в локальную сеть Годдарда и стер всю программу «Эксплорера». Полностью стер – архивы, черновики, модули, исходный и скомпилированный код, машинный код... Все. Ничего не осталось.

– Не так-то просто стереть данные так, чтобы от них не осталось и следа! – изумился Уайман.

– Однако именно это и произошло. Хакер или хакеры точно знали, где все это хранится, имели в своем распоряжении все пароли, проббили якобы непробиваемую защиту и стерли все. В ту же ночь Мелисса Шепард исчезла из больницы. Она незаметно проскользнула мимо охранника, вернулась к себе в квартиру за вещами, забрала машину на стоянке в Годдарде, протаранила ворота, бросила свою машину и украла арендованный автомобиль. ФБР обнаружило арендованную машину вместе с сотовым телефоном Шепард, кошельком и кредитными картами на глухом ранчо в окрестностях Аламосы, в штате Колорадо. Машину подожгли вместе с содержимым.

– Свидетельства насильственной смерти? – спросил Форд.

– Никаких.

– Она оставила записку?

– Ничего. Ранчо, где нашли ее автомобиль, называется «Лейзи Джей». Оно расположено у подножия горной цепи Сангре-де-Кристо в глухом месте, на границе национального парка «Великие песчаные дюны». Шепард ушла в горы и там исчезла.

– У нее есть навыки выживания?

– Подростком она провела лето на ранчо «Лейзи Джей», работала на ферме. Она туристка, альпинистка и фанат фитнеса.

– Есть предположения, почему Шепард сбежала?

– Не особенно, за исключением того, что взрыв был вызван сбоем программы, которую она разрабатывала.

– Что же тогда произошло?

– Плот опустили в большой испытательный резервуар, заполненный жидким метаном, что имитировало море на Титане. Программа заставила манипулятор просверлить отверстие в стенке резервуара, и это привело к взрыву.

– Есть предположения, почему программа так себя повела?

Локвуд сглотнул:

– Мы не уверены, поскольку программный код исчез вместе с главным программистом. Вполне возможно, это обыкновенный сбой. Или саботаж. Или грубая небрежность. Мы не знаем.

– Понятно.

– Мы поговорили с другими программистами, – продолжил Стэнтон. – Похоже, эта компьютерная программа симулирует нечто вроде бестелесного человеческого разума. Она обладает воображением. Она умна. Ее запрограммировали симулировать эмоции, такие как страх, стремление избежать опасности, бегство от негативных раздражителей, а также любопытство, смелость и находчивость. Одно из предположений заключается в том, что программа запаниковала, переключилась в аварийный режим и таким образом вызвала несчастный случай.

– Зачем нужна такая программа искусственного интеллекта, да еще и снабженная эмоциями?

– Понимаете, это не *настоящие* эмоции. Просто программный код, который симулирует чувства. Дело в том, что эмоции полезны. Например, страх стимулирует осторожность, планирование и здравый смысл. Не менее полезно любопытство – оно должно было побуждать «Эксплорер» к исследованию аномальных или необычных явлений. В человеческих эмоциях заложен глубокий смысл – они помогают выживать и действовать эффективно. То же самое относится и к плоту, который находится на расстоянии миллиарда миль от Земли и не может обмениваться информацией с центром управления в режиме реального времени. По крайней мере, так объяснили нам инженеры из НАСА.

И тут заговорил президент. Он наклонился вперед, опираясь на локти, и его низкий голос заполнил комнату:

– Проблема вот в чем: эта программа искусственного интеллекта – нечто абсолютно новое. У нее громадный военный и разведывательный потенциал. Громадный. Поразительно, что НАСА разработало ее самостоятельно, не осознав ее ценности для обороны и не поделившись своим открытием с Пентагоном. Эти люди из НАСА создали угрозу национальной безопасности.

Форд сглотнул. Известно, что президент сокращал бюджет НАСА, ни в чем не отказывая Пентагону.

Локвуд откашлялся:

– Справедливости ради следует отметить, что в НАСА никто, даже сама Шепард, похоже, не понимал более широких последствий прорыва в создании искусственного интеллекта. Или всех возможностей этой программы.

– Чушь, – возразил президент. – Эта Шепард точно знала, что делает. Это был обман. Комитет начальников штабов в ярости. На мне вся ответственность, как на главнокомандующем. У этой программы есть тысячи более полезных применений, чем отправка хоккейной шайбы на Тритон.

– Титан, – поправил его Стэн.

– Только представьте, что мог бы сделать Пентагон, будь у него такая программа! – не обратил на него внимания глава США.

Уайману совсем не хотелось этого представлять.

– В плохих руках эта программа может использоваться для проникновения в наши военные сети, для создания угрозы национальной безопасности, для кражи миллиардов долларов из наших банков, для разрушения нашей экономики, для уничтожения сетей электро-снабжения. А для нас она – стратегическое оружие в борьбе с противником. Мобильные, разумные программы искусственного интеллекта можно без преувеличения назвать ядерным оружием двадцать первого века! – объявил президент.

С этими словами он выпрямился, тяжело дыша. Форд подумал, что с этим человеком может случиться удар еще до выборов. И детектив не знал, как бы он к этому отнесся, – больше, чем глава государства, ему внушал страх разве что вице-президент.

– А мое задание? – наконец произнес Уайман.

– Отправиться в горы и найти Мелиссу Шепард, – сказал Локвуд. – Вернуть ее.

Форд посмотрел на президента, потом опять на Стэнтонна:

– А разве не для этого существует ФБР?

– Честно говоря, – ответил Локвуд, – мы уже пытались. ФБР запустило дрон и отправило туда вооруженных людей на вездеходах, а горы осматривали с вертолетов. Полная катастрофа. Они только испугали Шепард и загнали ее еще дальше в горы. Там огромные просторы, и она их хорошо знает. В горах много заброшенных шахт. Судя по психологическому портрету этой женщины, а также по мелким правонарушениям и употреблению наркотиков в юности, нельзя исключать ее склонности к самоубийству. Нам необходимо вернуть ее живой. Она единственная, кто досконально знает программу.

– Почему я? – спросил Форд.

– Нам нужен одинокий агент. Тот, кто проникнет туда без лишнего шума, под видом туриста или альпиниста. Тот, кто имеет опыт выживания в дикой природе и у кого за плечами несколько успешных индивидуальных операций.

– А что насчет тех хакеров, которые стерли программу? Копию они тоже украли?

– На самом деле мы считаем, что программу украли сама Шепард, а затем стерла все копии.

– Зачем?

– Собирается срубить денег, продав ее Ирану или Северной Корее, – я так думаю, – вставил президент.

– Если она намеревалась продать программу, зачем ей убегать в горы, сжигать свою машину и сотовый телефон? – засомневался сыщик. – Это не похоже на поведение человека, который хочет заработать.

– Плевать мне на ее мотивы или психическое состояние, – отозвался глава Штатов. – Ваша задача, Форд, найти ее. Вам ясно?

– Понимаю, мистер президент. Один вопрос, если можно. Где Шепард хранит программу? Она взяла с собой компьютер?

– Программное обеспечение было разработано так, что может выполняться почти на любой платформе, – ответил Локвуд. – Его объем – всего два гигабайта, и его можно хранить на флешке или сотовом телефоне. А запустить на персональном компьютере – или даже на айпode.

– Потрясающе.

– Не особенно, – возразил Стэн. – За последние двадцать лет программное обеспечение сильно отстало от железа. Получается, что создание сильного искусственного интеллекта – это проблема программирования. Дело не в производительности компьютеров. Два миллиарда операций в секунду, доступных айпode, вполне достаточно для симуляции человеческого мышления. Нужна лишь соответствующая программа. Эта женщина, Шепард, нашла ключ к такой программе. Кое-кто из ее подчиненных сообщил нам, что она ни с кем не делилась секретами, особенно одним приемом, необходимым для того, чтобы сделать программу стабильной, – никто не смог его разгадать. Естественно, нас это очень беспокоит.

Глава президентской администрации что-то прошептал президенту на ухо. Тот нахмурился и встал, вновь со стуком поставив чашку на столик.

– Я уже опаздываю на предвыборный митинг. – Он наклонился и в упор посмотрел на Форда: – До выборов осталось три недели. Эта программа – ядерное оружие. И похоже, находится в руках сумасшедшей, черт бы ее побрал. Я хочу, чтобы вы нашли и ее, и программу. Ясно?

– Да, мистер президент, – сказал детектив.

12

Зимой и летом, весной и осенью в кабинете Дж. Паркера Лансинга на семнадцатом этаже высотного здания в финансовом квартале Нижнего Манхэттена горел камин. Этот скромный аксессуар обошелся в два миллиона долларов. К ним следовало прибавить высушенные на воздухе и порубленные березовые дрова, которые каждый день поднимались на грузовом лифте и складывались в антикварную, девятнадцатого века, корзину из кованого железа. Любой из коллег Паркера мог повесить на стену картину Сезанна. Но настоящий дровяной камин на семнадцатом этаже небоскреба в Манхэттене? Это говорило о хозяине столько, сколько не могла сказать никакая живопись.

В этот теплый октябрьский день огонь весело плясал за решеткой, а его жар гасился потоком воздуха от включенного кондиционера. Лансинг сидел напротив камина за длинным и узким обеденным столом эпохи Возрождения в центре расставленных полукругом компьютерных мониторов. Его гладкий, без волос, палец стучал по клавиатуре. Миллионер печатал двумя пальцами – в девятом классе школы он прогуливал уроки машинописи. Но ему было плевать. Машинопись – это для секретарей и рабочего класса. Дж. Паркер Лансинг родился в Нью-Йорке, но по части культуры и воспитания считал себя ближе к английской аристократии и даже выработал у себя похожий акцент.

Лансинг был президентом и исполнительным директором компании «Лансинг Партнерс», небольшой специализированной фирмы с Уолл-стрит. Фирма занималась высокочастотным алгоритмическим трейдингом. На «алготрейдинг», как его часто называли, приходилась большая доля торгов на фондовой и товарной бирже. Например, в 2013 году семьдесят процентов всех сделок на нью-йоркской фондовой бирже осуществлялось при помощи алгоритмического трейдинга – они заключались компьютерами без вмешательства людей. Эти сделки определялись компьютерным алгоритмом, который получал информацию по электронным каналам и обрабатывал ее за миллисекунды, гораздо быстрее любого человека.

На протяжении многих лет этот способ имел плохую репутацию. Но как это обычно бывает на Уолл-стрит, всему, что приносит деньги, позволяют существовать, пока не разгорается скандал. Люди утверждали, что алготрейдинг дает некоторым участникам рынка несправедливое преимущество. Финансовые рынки, говорили они, должны быть честными. Однако к тем, кто так думал, Лансинг не испытывал ничего, кроме презрения. Они заслужили свои денежные потери. Все гигантские транснациональные банки и брокерские дома использовали алготрейдинг, получая приличную прибыль за счет маленьких людей. И если маленькие люди теряли деньги, это была их собственная вина, расплата за наивность. А когда алготрейдинг взорвет рынок – этого не избежать, – правительство поможет им выпутаться. *Приватизация прибыли, национализация убытков* – так называется эта игра.

Например, существовала разработанная «Ситигруп» программа алготрейдинга под названием «Даггер», которая учитывала разницу в стоимости акций одной и той же компании, скажем, на фондовых биржах Нью-Йорка и Гонконга. «Даггер» покупала миллионы акций на одной бирже и продавала их на другой, извлекая прибыль из временной маржи, которая могла существовать меньше секунды. Другая знаменитая программа алготрейдинга, «Стеллс», внедренная «Дойче Банком», анализировала сделки на чикагской товарной бирже, выявляя статистические всплески в торговле нефтяными фьючерсами. «Стеллс» могла как покупать, так и продавать фьючерсные контракты на рынке и получать прибыль независимо от движения рынка вверх или вниз.

Кто терял деньги? Медленные, глупые трейдеры-люди. Обычные инвесторы. Пенсионные фонды. Большие и маленькие города по всей Америке, которые вложили свои скуд-

ные средства в акции. «Снимем шляпы, – думал Дж. Паркер, – перед всеми лохами, простофилями и придурками, которые считают, что на фондовых и товарных рынках ведется честная игра».

Компьютеры, которые управляют алготрейдингом, должны быть сверхмощными и располагаться как можно ближе к торговым площадкам. Даже мизерная задержка, скажем, на время, за которое свет пересекает реку в Нью-Джерси, может определять разницу между прибылью и убытком. В результате алготрейдингом занимаются в основном фирмы, расположенные непосредственно в финансовом квартале и связанные с биржами при помощи толстых оптоволоконных кабелей, которые идут от их компьютеров прямо к компьютерам биржи.

Дж. Паркер Лансинг родился и вырос в Верхнем Ист-Сайде – частная школа Сент-Пол, потом Гарвард, потом Гарвардская школа бизнеса. Начинал он в трейдинговом отделе банка «Голдман Сакс», где разрабатывал стратегии алготрейдинга. Лансинг не писал программы – он плохо разбирался в устройстве компьютеров. Программными кодами занимались другие. Его роль была иной – выявлять трейдинговые возможности и разрабатывать стратегии. Он придумал не один десяток алготрейдинговых атак для «Голдман Сакс» – программ, которые анализировали рынки, вынюхивая аномалии, выискивая несоответствия в марже покупки и продажи, выявляя глупости и фиксируя малейшие диспропорции в цене любого товара, от свиных желудков до золота. На этом зарабатывались колоссальные деньги. Банк хорошо оплачивал его работу. Лансинг вел обычную жизнь представителей своего класса: пентхаус в Трамп Тауэр, «коттедж» в Хэмптоне площадью двадцать пять тысяч квадратных футов и поместье в Гринвиче с многочисленными картинами Дэмьена Херста, состоящими из цветных кружков. И разумеется, банковские счета и холдинговые компании на Каймановых островах, обеспечивающие подоходный налог меньше, чем у тупицы, который косит его лужайку площадью четыре акра в Ист-Хэмптоне.

Примерно четыре года назад Паркеру пришла в голову одна идея для алготрейдинга, настолько блестящая и оригинальная, что он решил не делиться ею с банком «Голдман Сакс». Вместо этого он без лишнего шума расстался со своим работодателем и основал компанию «Лансинг Партнерс». Разработав стратегию реализации своей идеи алготрейдинга, Лансинг занялся поисками программиста. Тогда-то он и нашел Эрика Моро, одного из основателей хакерской группы под названием «Джондоу». В Моро удачно сочетались такие качества, как гениальность и гибкое отношение к этике.

В частной школе Сент-Пол Дж. Паркер был шумным задирой с зачесанными назад волосами. Вместе с компанией таких же шалопаев он большую часть времени был занят тем, что третировал учеников младших классов, слабаков и тупиц. Но в колледже парень начал понимать, что этот образ надменного забияки, который отлично работал в подготовительной школе, в реальной жизни обернется катастрофой и никогда не приведет его к заветной цели. Поэтому, приложив немало усилий и настойчивости, Лансинг превратил себя в культурного, воспитанного, хорошо одетого, склонного к размышлениям молодого человека, в речи которого проскальзывал легкий британский акцент. И что самое главное, он начал понимать, что вопреки тому, чему его учили родители, белые протестанты англосаксонского происхождения из Верхнего Ист-Сайда – не единственные достойные и умные люди на земле. На самом деле самыми умными часто оказывались люди других национальностей – евреи, поляки, индусы, итальянцы, ирландцы, китайцы... Одним из таких умных представителей этнических меньшинств был Моро, итальянский паренек с сальными волосами из какого-то ничем не примечательного городка в Нью-Джерси, родившийся в отвратительной семье из низшего класса, мужчины в которой были копами и пожарными. Несмотря на акцент, как у Тони Сопрано, никаких связей с мафией у него не было. Происхождение не помешало

Эрику стать полезным гением. Лансинг не разбрасывался словами – Моро был настоящим гением, и шеф платил ему соответственно.

Блестящая идея Паркера представляла собой особую разновидность алготрейдинга. Для ее применения миллионер разработал, а Моро написал уникальную программу, которая получила название «Черная мамба». Так называется самая ядовитая змея в мире, одно из немногих животных, которые действительно будут охотиться на человека, чтобы убить его. Эта змея может ползти быстрее бегущего человека и жалить три раза в секунду. Количество яда, впрыскиваемое ею при каждом укусе, способно убить двадцать пять человек. Программа «Черная мамба», как и ее тезка в животном мире, была бесстрашным и смертельно опасным охотником. И решала она только одну задачу – это был бот, который питался другими программами алготрейдинга. Она пряталась в темных закоулках рынков, анализируя миллионы сделок, пока не находила цель – другую работающую программу алготрейдинга. «Черная мамба» наблюдала за действиями этой другой программы, пытаясь определить ее стратегию. А после выявления предсказуемой стратегии делала смертельный выпад. Зная, что покупает и продает ее жертва, «Мамба» предвидела сделки и опережала их, принося прибыль. Взаимные фонды часто использовали программы алготрейдинга, чтобы разбить одну крупную сделку на сотни мелких, и эта операция проводилась в течение нескольких часов, нередко на разных биржах. Цель этой стратегии заключалась в том, чтобы сохранить крупную сделку в тайне и таким образом не поднять или не опустить цену акций. Заранее зная, что собирается делать программа-соперница, «Мамба» покупала те небольшие пакеты акций на тысячную долю секунды раньше, чем жертва размещала заявку, а затем, еще долю секунды спустя, с прибылью продавала их этой же самой жертве. Этот трюк можно было проделывать не одну тысячу раз, прежде чем владельцы программы алготрейдинга понимали, что здесь что-то не так. Но к тому времени было уже поздно.

За последние годы «Черная мамба» заработала для компании «Лансинг Партнерс» восемьсот миллионов долларов. Однако эту стратегию нельзя было назвать неуязвимой. Некоторые крупные банки и хеджевые фонды заметили деятельность «Мамбы», и им не понравилось, что их обставляют в их собственной грязной игре. Они пытались противодействовать атакам, но Эрик Моро почти ежедневно настраивал свою программу. Когда «Мамба» ошибалась и приносила убытки, Моро модифицировал ее, когда стратегия переставала работать, ее создатель изобретал новую. Подобно непрерывно эволюционирующему вирусу, «Черная мамба» меняла свои атаки и даже свою основную структуру, так что через неделю ее уже невозможно было распознать.

В это утро в середине октября Дж. Паркер Лансинг наблюдал за действиями «Мамбы», которая курсировала по «черному пулу» биржевого рынка. Именно сегодня она выявила беспечную программу алготрейдинга, продававшую акции инсайдеров одной известной интернет-компании. Ровно девяносто дней назад эта организация провела первичное размещение своих акций на бирже. Через девяносто дней после первичного размещения инсайдеры, то есть лица, обладающие конфиденциальной информацией, получают право продавать свои акции. Это старая история, от «Фейсбука» до «Группона». Инсайдеры – основатели компании и венчурные капиталисты – по истечении девяноста дней выходят в кеш, оставив доверчивых участников первичного размещения с обесценившимися акциями. Сегодня заканчивались девяносто дней. По всей вероятности, инсайдеры начнут в массовом порядке продавать акции, но тихо и незаметно, с помощью программы алготрейдинга.

Похоже, инсайдеры компании будут выставлять на продажу большое количество акций пакетами от одной до пяти тысяч штук. Тупая маленькая программа алготрейдинга, которую они использовали, прятала сделки, маскируя их под действия многочисленных частных инвесторов. Но внезапная активность ровно через девяносто дней после первичного размещения ценных бумаг выглядела подозрительно. Кроме того, небрежность программы алго-

трейдинга привела к снижению курса акций. Остальные трейдеры стали обращать на это внимание. В результате программа увеличила продажи, пытаясь сбросить как можно больше акций, пока цена не опустилась еще ниже.

Дж. Паркер Лансинг почувствовал, как его рот наполняется слюной. Вот он, жирный гусь, о котором можно было только мечтать, – ждет, чтобы его зарезали, ощипали и зажарили.

Лансинг запустил «Черную мамбу» и наблюдал за ее действиями. Нынешняя стратегия называлась короткими продажами без покрытия. «Мамба» начнет продавать акции интернет-компаний, которыми не владеет. Это было вполне законно. Если акции пойдут вниз – что неминуемо произойдет, – «Мамба» затем приобретет у программы алготрейдинга то же самое количество акций, что продала раньше. Красивая операция: продав акции, которые ей не принадлежат, а через несколько минут купив по меньшей цене точно такое же их количество, хитрая программа сведет баланс, не потратив ни цента, а разницу положит в карман. Покупатель получит акции по обычной процедуре биржевой сделки. Так «Мамба» замаскирует факт продажи того, чем она не владела.

Как и все прибыльные операции на Уолл-стрит, даже самые рискованные, это было абсолютно законно. Короткие продажи без покрытия приносили огромную прибыль – до тех пор, пока цена не продолжала падать.

Паркер наблюдал, как «Черная мамба» наносит удар. Разумеется, он не мог в режиме реального времени видеть, как проходит торговля, поскольку скорость была слишком высока, но знал, что программа сообщит ему о результатах закрытых сделок.

За несколько секунд «Мамба» продала на открытом рынке шестнадцать миллионов акций интернет-компаний. Акции ей не принадлежали – это были короткие продажи без покрытия. Затем она стала ждать, когда программа алготрейдинга среагирует на снижение цены и выставит на продажу новые пакеты акций, которые «Мамба» начнет покупать по более низкой цене, неуклонно увеличивая свою прибыль.

Лансинг смотрел на экран, ожидая, что акции интернет-компаний пойдут вниз или даже рухнут. Но ничего подобного не случилось. Наоборот, цена акций неожиданно начала расти.

Бизнесмен не верил своим глазам. В этом не было никакого смысла. Внезапно, без всякого предупреждения, инсайдеры прекратили сбрасывать акции и начали покупать – по все более высоким ценам! Почему? В отчаянии Паркер попытался выключить «Мамбу». Но было уже поздно: программа успела продать без покрытия шестнадцать миллионов акций. Отменить сделки было невозможно. А «тупая» программа алготрейдинга вместо того, чтобы предсказуемо продавать акции, сделала нечто невероятное. Она внезапно развернулась на сто восемьдесят градусов и купила весь необеспеченный пакет «Черной мамбы», с маржой – и в результате цена акций повысилась еще больше. После этого началось полное безумие: программа покинула черный пул ликвидности и начала открыто, на глазах у всего мира, покупать крупные пакеты акций на бирже НАСДАК, еще сильнее толкая цену вверх.

В результате всех этих неожиданных махинаций акции за несколько секунд подскочили в цене на тридцать процентов. Теперь для того, чтобы передать покупателю шестнадцать миллионов акций, которые продала «Мамба» (не владея ими), компания «Лансинг Партнерс» должна была купить эти акции по цене на тридцать процентов выше, чем продала их.

Это была классическая ситуация «короткого сжатия», самое ужасное и болезненное, что может случиться с трейдером. Через девяносто секунд участия в торгах Дж. Паркер Лансинг уже имел убыток в триста двадцать миллионов долларов, причем по мере повышения стоимости акций эта сумма стремительно росла – *и он ничего не мог с этим поделать*. Он был обязан «покрыть» свою позицию, купив шестнадцать миллионов акций, которые уже продал, не владея ими. Но как только миллионер выставил заявку на покупку, опасаясь

дальнейшего подорожания, его вынужденное «покрытие» привело к повышению стоимости акций еще на пятнадцать процентов, увеличив и без того серьезный убыток.

Не было никакой возможности избежать этого классического короткого сжатия, развернуть торги вспять и избежать потерь. Рынок уничтожил Паркера. Он смотрел, как «Мамба» покупает последний пакет акций по цене на сорок шесть процентов выше изначальной.

Через двадцать секунд все было кончено. Дж. Паркер Лансинг потерял четыреста одиннадцать миллионов долларов.

Он безвольно обмяк в кресле. Руки у него дрожали. Во рту пересохло, а в ушах шумело. Как такое могло случиться? Как эта тупая программа алготрейдинга смогла перестроиться и повести себя настолько безумно, нелогично, неожиданно и странно?! Это была настолько блестящая стратегия, что она казалась просто невероятной. Она была возможна *только* в том случае, *если* программа алготрейдинга заранее знала, что будет делать «Мамба».

Если сформулировать вопрос таким образом, то ответ очевиден. Это не случайность. Не аномалия. *«Черная мамба» стала жертвой атаки.* «Тупая» программа алготрейдинга была написана специально для того, чтобы приманить «Мамбу», вовлечь ее в крупные рискованные операции, а затем захлопнуть ловушку короткого сжатия.

Не успел Лансинг подумать об этом, как из коридора послышался взволнованный голос и в кабинет ворвался Эрик Моро, его молодой, одетый в джинсовый костюм партнер. Бледное лицо программиста было взволнованным.

– Какого черта? Какого *черта*?!

– Сядь, Эрик. – Дж. Паркер вытянул руку с растопыренными пальцами.

– Ты что, не смотришь на мониторы?! Ты не видишь, что произошло?

– Пожалуйста, сядь. – Лансинг не опускал руку.

– Я хочу знать, что здесь происходит!

– Все очень просто, – тихим голосом произнес бизнесмен. – Мы стали жертвой специальной операции.

Моро пристально смотрел на него, и его лицо приняло задумчивое выражение.

– Тебе и вправду лучше сесть.

Затем Эрик опустился в массивное кожаное кресло и с шумом выдохнул.

– Мы должны, – продолжил его партнер, – найти того, кто это с нами проделал, и предпринять соответствующие действия.

– Соответствующие действия? Например? Какими могут быть «соответствующие действия» против этой вонючей мрази, которая только что нагрела нас на четыреста миллионов долларов?!

– Нечто настолько ужасное, чтобы больше никому даже не пришло в голову так поступать с нами. Только тогда, – Лансинг холодно улыбнулся, – мы сможем обезопасить наш бизнес.

13

Лимузин подвез Форда до того места, где подъездную дорогу перегораживали полицейские барьеры и охраняли агенты ФБР. Детектив вышел. Был чудесный осенний день – красные кленовые листья, синее небо с пушистыми облаками... Стены испытательного модуля Годдарда уцелели, но основная часть крыши лежала в виде обломков на окружающих здании лужайках. Следователи в костюмах химзащиты медленно прочесывали местность, собирая улики в синие контейнеры и расставляя маленькие пронумерованные флажки.

Уайман направился к палатке и подсобной площадке, разбитой прямо на дороге. Откинув клапан палатки и войдя внутрь, он увидел вешалки с костюмами химзащиты, коммуникационное оборудование, душ для дезинфекции и десятки следователей, которые куда-то шли, делали записи, переговаривались по рации и осматривали улики. Наконец ему удалось разыскать островок безопасности, где он должен был встретиться с руководителем проекта «Кракен».

Форд узнал Энтони Гровса по фотографии из досье, которым снабдил его Локвуд. Увидев его, Гровс пошел навстречу. Правая рука у него была на перевязи, так что они пожали друг другу левые руки. Ладонь ученого была вялой и липкой.

– Доктор Гровс? Я Уайман Форд, – представился сыщик.

– Можете называть меня Тони.

Вид у Гровса был ужасный – лицо бледное и, несмотря на прохладный осенний воздух, покрытое капельками пота. Ничего удивительного, подумал Форд. Но самое главное, Энтони выглядел так, словно был раздавлен, пребывал на грани срыва и держался из последних сил.

– И как же... – Голос Гровса дрожал. – Как вы собираетесь это сделать?

– Если не возражаете, мне бы хотелось осмотреть место аварии.

– Конечно. Но нам придется надеть защитные костюмы. И еще нужен сопровождающий.

Сотрудник службы безопасности подобрал для них костюмы и вместе с ними прошел через выбитые взрывом двери внутрь разрушенного здания. Они шли сзади, и Тони заговорил почти истерическим тоном:

– Все эти тяжелые механизмы и оборудование направили силу взрыва вверх. – Пластиковая маска приглушала его голос. – Это разрушило крышу, но спасло очень много жизней.

Сопровождающий, тоже одетый в костюм химзащиты, вел их по дорожке среди мусора, и вскоре они добрались до гигантского контейнера, раскрывшегося, словно цветок.

– Авария произошла в этом испытательном резервуаре, который мы называли «Бутылкой», – рассказал Энтони.

– Где вы стояли?

– Вон там, где находятся остатки пульта управления. – Гровс указал на место рядом с разбитыми компьютерами, расставленными полукругом мониторами, циферблатами, клавиатурами и измерительными приборами. Теперь все это было разорвано и искорежено взрывом – пучки разноцветных проводов гигантскими змеями вились среди разбросанных материнских плат, стоек и болтающихся жестких дисков.

– А Джек Стейн, одна из жертв, тоже стоял там? – Форд указал на огороженное маленькими флажками и метками место, все еще залитое кровью.

– Да. Джек... был рядом со мной. Он отказался покинуть свое рабочее место. Остальные шестеро погибли все вместе, вон там, куда пришелся основной удар.

Тони описывал, что произошло, и Уайман пытался представить, как тут все выглядело до взрыва.

– А где стояла Шепард? – поинтересовался он.

– Здесь, рядом с Джеком.

– Почему Стейн не побежал?

– Он остался до конца. – Голос Гровса задрожал. – Пытался выключить «Эксплорер». Он остался, потому что... был храбрее всех. – Ученый с усилием сглотнул. – Я... Мне почему-то стыдно, что я бежал. Я капитан этого корабля. Сделать ничего было нельзя, но я должен был пойти ко дну вместе с кораблем – я, а не Стейн. И не остальные.

– Вы подняли тревогу?

– Мы с Шепард и Стейном первыми поняли, что происходит. Потребовалось какое-то время, пока мы сообразили, что зонд сверлит «Бутылку» – и что произойдет, когда в стенке резервуара появится отверстие.

Детектив оглянулся, пытаясь представить эту картину.

– Расскажите мне о Шепард, – попросил он. – Какова была ее реакция на аварию, когда зонд пошел вразнос?

– Полное непонимание. Шок. Отрицание.

– Никаких признаков того, что она этого ждала?

– Абсолютно никаких. И любое предположение, что это не несчастный случай, – абсурд. Мелисса – один из лучших моих сотрудников.

Форд кивнул:

– Не возражаете, если я тут осмотрюсь?

– Пожалуйста.

Уайман медленно обошел разорванную «Бутылку». Гровс следовал за ним по пятам.

– Как была организована работа проекта «Кракен»? – продолжил расспросы детектив.

– Проект был разделен на рабочие группы. Каждая группа отвечала за определенную технологию или научный эксперимент. Каждая представила список того, что, по их мнению, должен уметь «Эксплорер». Эти требования стали основой для программного обеспечения. Группа Шепард разрабатывала программу «Дороти».

– Дороти? Так назвали программу?

– Да.

– Почему?

– У нас в Годдарде такая традиция – космический аппарат и основная компьютерная программа часто получают имена.

– Но почему именно Дороти?

– Понятия не имею, откуда Шепард взяла это имя.

– Еще один вопрос: могла ли Шепард, находясь на больничной койке, войти в компьютерную сеть Годдарда и украсть или стереть программу?

– Я бы сказал, что это невозможно, но вообще программирование – не моя специальность.

– Кто-то еще имел подобный уровень доступа?

– Не думаю. Я ничего не понимаю. Сеть Годдарда надежно защищена.

– Вы не верите, что Шепард замешана в краже или уничтожении программы?

– Почти уверен, что она ни при чем.

– Расскажите мне о прорыве в создании искусственного интеллекта.

– Честно говоря, это выше моего понимания. Она создала новый подход в программировании. С использованием так называемой нечеткой логики.

– Нечеткой логики?

– Это неточная и быстрая логика. Способ решения трудноразрешимых задач. Программа «Дороти» была способна учиться на собственных ошибках и сама себя переписывать. Шепард прогнала ее через серию симуляций, и «Дороти» до такой степени изменилась,

что уже никто, даже сама Мелисса, не понимал, как она работает. По всей вероятности, это и стало источником неприятностей.

– И это программное обеспечение работает на любой платформе?

– Шепард хотела, чтобы программа не зависела от аппаратной части. Требовалась лишь минимальная скорость процессора, а также объем оперативной и постоянной памяти.

– Почему вы загрузили программу, которую никто не понимает, в космический зонд стоимостью сто миллионов долларов, а потом опустили этот зонд в резервуар с жидким метаном?

Гровс долго молчал. Форд терпеливо ждал ответа.

– Это была колоссальная ошибка, – признал наконец ученый. – Теперь я это понимаю.

– Расскажите мне о Шепард – о человеке, а не о специалисте, – решил сменить тему детектив.

Энтони немного помялся:

– Честлюбивая. Сосредоточенная. Упорная. Абсолютно преданная делу. В мире много умных людей, но она не просто умная. Она – один из настоящих гениев. Послушайте, я знаю, что это слово стало разменной монетой, но в нашем мире не так много действительно гениальных людей. А Мелисса именно такая. Все очень просто – эти люди мыслят иначе, не так, как мы все. А еще она непростой человек. Обидчивая. Резкая. Несмотря на весь свой ум, в повседневной жизни могла вести себя как полная идиотка. Она разделила свою команду на группы. Никто не владел полной картиной. Такое впечатление, что она хотела держать их в неведении.

– Увлечения?

– Фитнес, бег, лыжи, альпинизм... – начал перечислять Гровс и умолк.

– А теперь плохое, – попросил Уайман.

– Это не в моих правилах.

– У нас расследование, а не вечеринка с коктейлями.

– Ну... она сквернословит. Не любит подчиняться правилам. Бунтарь. Не умеет общаться. Обижает людей, сама того не желая.

– Продолжайте.

– Понимаете, Шепард так и не смогла вписаться в здешнюю культуру. Как я понимаю, у нее были проблемы в прошлом. Мы с трудом получили на нее допуск от службы безопасности. И... – Тони вновь ненадолго замолчал. – У нее были отношения с несколькими людьми тут.

– Сексуальные отношения? – Брови Форда взлетели вверх.

– Да. После приезда она как следует пустила нам пыль в глаза, а потом успокоилась. Я не вмешиваюсь в личную жизнь своих сотрудников, пока она не мешает работе, но Шепард своими... свиданиями угрожала целостности команды. Кроме того, она была чрезвычайно предана делу, работала по семь дней в неделю. Но она спала с несколькими мужчинами, что всегда становится источником напряжения, особенно в таком маленьком коллективе, как проект «Кракен». Думаю, это могло происходить и на работе.

– Вы удивились, когда она исчезла?

– Нет. Единственная предсказуемая черта Шепард – ее непредсказуемость.

– Родственники у нее есть?

– Нет. Мать умерла, когда ей было четырнадцать, а отца, насколько я понимаю, она не знала. Потом ее воспитывали тетя и дядя из Техаса, религиозные люди, очень строгие. Думаю, она связалась с дурной компанией и сбежала из дома. Просто удивительно, что ей удалось изменить свою жизнь. У вас, вне всякого сомнения, есть ее резюме. Ее дипломная работа в Корнелле просто великолепна.

– Музыка?

– Тяжелый металл. Слушала, когда программировала. Коллеги иногда жаловались...

– Проблемы с деньгами?

– Мне об этом ничего не известно. В НАСА работают не ради денег. В частной компании Шепард получала бы в четыре раза больше.

– Есть ли вероятность, что она могла иметь намерение продать программу иностранному государству? – предположил Уайман.

Гровс удивленно посмотрел на него:

– Боже правый, только не говорите мне, что расследование рассматривает такую безумную версию!

– Именно так.

– Полная чушь. Я знаю Мелиссу. Она верна Америке. Думаю, причина ее бегства в том, что она в ужасе от произошедшего. Считает себя виноватой. Семеро погибших. И потом, они с Джеком Стейном какое-то время встречались. Она скорбит. Плюс еще сотрясение мозга...
Одному богу известно – может, у нее слегка поехала крыша...

Форд кивнул и еще раз окинул взглядом помещение:

– Ладно, думаю, мы здесь закончили. Спасибо.

Пока они шли по засыпанной мусором лужайке, сыщик думал об имени программы – Дороти. Интересно было бы выяснить, откуда оно взялось.

14

Лансинг любил назначать деловые встречи в баре «Харрис», к югу от Центрального парка. Расположенный довольно далеко от Уолл-стрит и заполненный беспечными туристами, он был достаточно шумным, и тут можно было поговорить без помех. Кроме того, бармены тут готовили отличные коктейли.

С момента атаки прошло тридцать шесть часов. Паркер удалился в свой пентхаус в Трамп Тауэр и ждал, пока Моро проведет расследование. Это были самые долгие тридцать шесть часов в его жизни. Делать он ничего не мог – ни есть, ни спать, ни следить за новостями рынка, ни даже читать «Уолл-стрит джорнал» – а только гадал, сумеет ли Эрик выследить негодяев, укравших его деньги. Лансинг был так поглощен этой мыслью, что утром у него даже не было никакого желания общаться со своей подружкой. Люди, которые с ним так поступили, должны дорого заплатить, и чем больше он об этом думал, тем больше укреплялся в мысли, что наказание должно быть примитивным. Самым примитивным. Это побудило его заняться поисками, и в конечном итоге миллионер вышел на двух братьев из Киргизии, которые оказывали такого рода услуги и, по слухам, были мастерами своего дела.

Наконец позвонил Моро. И вот они сидят в баре, на лучших местах у окна, и любовются закатом над Центральным парком и зажигающимися огнями на Пятой авеню.

Подошла официантка. Лансинг заказал коктейль и повернулся к напарнику:

– Тебе какую отраву?

– Программисты не пьют. – Эрик откинул волосы с лица длинными грязными пальцами с обкусанными почти до крови ногтями. – Это убивает клетки мозга.

– Но сегодня ты сделаешь исключение.

Моро и правда заказал двойной мартини с личи, безо льда.

– Итак... Что ты можешь мне сообщить? – спросил Паркер.

– Сначала выпьем.

Когда принесли напитки, Эрик откинулся на спинку стула, поднес бокал на высокой ножке к губам, вытянул их и громко отхлебнул. Лансинг наблюдал за ним, стараясь сдерживать нетерпение.

Программист поставил бокал, завел прядь сальных волос за ухо, сжал пальцами нос, потер его и фыркнул. Дж. Паркер давно уже научился терпеть плебейские манеры партнера. Когда дело касалось Моро, ему приходилось со многим мириться, но, как ни странно, несмотря на все это, Лансинг любил парня.

– Есть хорошие новости, есть плохие, – сказал наконец Эрик. – Что сначала?

– Как всегда, плохие.

– Я еще не нашел этих ублюдков. Но выяснил, как они это сделали. Примерно десять дней назад они проникли прямо в наши компьютеры и скачали «Черную мамбу». Должно быть, они распотрошили ее и сумели написать программу, которая так ловко нас натянула.

– Как им удалось проникнуть сквозь нашу защиту?

– Эти парни умны. Реально умны. Они использовали дыру в подпрограмме ввода-вывода низкого уровня, о которой никто не знал. Теперь я поставил заплатку, но это все равно что запереть сарай, когда из него все уже вынесли.

– И никакого намека, кто это?

– Они замели следы с помощью такой сети прокси-серверов, что для выявления источника понадобится не один год.

– А хорошие новости?

– Ты помнишь тот взрыв в Годдарде, космическом центре управления?

Лансинг кивнул.

– У меня есть давний приятель по «Джондоу», который трахал программистку из Годдарда, занятую в этом проекте, и от своей цыпочки он узнал кое-что о-о-очень интересное, – начал рассказывать Моро.

Его напарнику пришлось подождать, пока он еще раз шумно отхлебнет из бокала, уменьшив его содержимое на треть.

– Так вот, этот мой приятель трахал девицу по имени Патти Меланкур, которая работала в команде, писавшей программу для проекта. Руководила командой некая Мелисса Шепард. Она настоящая легенда в программистских кругах. Похоже, в программе для того проекта ей удалось совершить серьезный прорыв. Это открытие века, Святой Грааль программистов. Она создала новый язык. И сильный искусственный интеллект. Если нам удастся понять, как она это сделала, Уолл-стрит будет у нас в руках.

– Серьезное заявление.

– И я за него отвечаю.

– Что же это за прорыв? Я считал «Черную мамбу» искусственным интеллектом.

– Но не «сильным искусственным интеллектом», как мы выражаемся. По словам моего приятеля из «Джондоу», эта программа из НАСА мыслит, как человек. Она автономна. Учится на своих ошибках. И не привязана к конкретному железу. Она может выполняться на чем угодно. Самая близкая имитация бестелесного человеческого мозга, которая только возможна в чисто электронном виде.

– И как это поможет решить нашу проблему? – с сомнением спросил Паркер.

Эрик тряхнул головой, и его длинные волосы взметнулись вверх.

– Понимаешь, чувак, после небольшой переделки эта программа сможет преодолевать любую защиту, проникать в компьютерные сети, обманывать людей, лгать, мошенничать, красть... Компьютерная программа, которая может быть такой же подлой, злобной, хитрой и изворотливой, как и человек.

– Похоже на хакерские байки.

– Я уверен, что это правда. Если я смогу достать руководство программиста, то с небольшой помощью этой Меланкур сумею написать подобную программу. Программу, которая способна симулировать любые действия человека. Мы можем заставить ее делать все, что нам нужно. «Черная мамба» на стероидах. Идеальный бот.

– Даже если это правда, – сказал Лансинг, – ты отклонился от темы. Я хочу найти того, кто взял наши деньги. В данный момент мне не нужна вторая «Мамба».

– Дело в том, что такая программа искусственного интеллекта будет идеальным охотником. Дайте ей задание найти того, кто украл ваши деньги, и запустите в систему – и она, словно охотничья собака, пойдет на запах, от сервера к серверу, проследив цепочку прокси-серверов до самого источника. За день она способна сделать то, на что у меня уйдет десять лет.

Дж. Паркер покачал головой:

– Я в это не верю. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– А тот взрыв в НАСА? Меланкур знает, что там на самом деле случилось. Это секретная информация. Программа показала себя хорошо, прошла все тесты. А потом ее загрузили в экспериментальную лодку, плот с датчиками, камерами и микрофонами. И программа свихнулась. Запаниковала. Взбесилась и устроила взрыв.

– Не уверен, что понимаю, почему это делает программу хорошей.

– Фишка в том, что она мыслила как человек. Пыталась спастись. Подумай. Это же потрясающе! Но программа искусственного интеллекта была уничтожена взрывом, и поэтому мы должны написать новую.

Лансинг вздохнул. Моро всегда так легко увлекался...

– Предположим, что все это правда, но как ты собираешься достать руководство программиста и написать программу? – попытался он охладить пыл хакера.

– У Меланкур есть копия, и она согласна помочь мне написать код. Она уже в деле. Ей нужны деньги, и она считает, что в НАСА ее недооценивают... И самое главное, у нее зуб на Шепард, которая приставала к моему приятелю из «Джондоу», хотя тот трахал Меланкур. Вдвоем мы напишем программу, которая выследит подонка, стянувшего наши деньги. – Эрик наклонился вперед, дыхнув запахом личи в лицо собеседнику. – Меланкур стоит сто тысяч.

Лансинг посмотрел на свой опустевший стакан:

– Большие деньги. Мне нужны доказательства, что это сработает.

– Поверь мне. Пожалуйста.

– Сначала я хочу увидеться с ней.

– Не проблема. – Программист улыбнулся, откинулся назад, перевернул бокал из-под мартини и, громко хлюпая, слизнул языком последние капли напитка. Потом он поставил бокал на стол. – Мне любопытна одна вещь. Когда ты найдешь парней, которые проделали это с нами, что ты с ними сделаешь?

– Я много думал. Понимаешь, то, что они с нами сделали, абсолютно законно. В суд с этим не пойдешь.

– Обидно.

– На кону наша репутация. А в бизнесе репутация – это все.

– Точно.

– Мы должны заявить о себе. Нельзя это так оставлять. Другие должны понять, что тот, кто с нами так поступил, наказан.

Моро кивнул.

– Варианты у нас ограничены. На самом деле всего один, – продолжал Паркер.

– Какой именно?

– Я хочу их убить.

Эрик молча смотрел на него широко раскрытыми глазами.

– Правда?

– Да. Правда.

15

Когда Форд был моложе, он задался целью подняться на все четырнадцатитысячники в штате Колорадо – горы высотой больше четырнадцати тысяч футов. Он покорил пять вершин, а потом занялся другими делами. Вся его жизнь состояла из череды увлечений – Уайман переходил от одного к другому, не в силах ничего довести до конца. Но тот опыт подсказал ему идею для легенды: нужно притвориться одиноким альпинистом, который собирается покорить могучее трио четырнадцатитысячников в горах Сангре-де-Кристо выше ранчо «Лейзи Джей». Три вершины были хорошо видны издалека – Бланка-Пик, Эллингвуд-Поинт и Литтл Беар – и считались здесь самыми сложными.

Но прежде чем воспользоваться этой легендой и отправиться в горы, Форд собирался поговорить с владельцем «Лейзи Джей», которого звали Майк Клентон. Девять лет назад Клентон взял на работу Мелиссу, когда она была трудным подростком.

После своих неудачных попыток поиска Мелиссы Шепард ФБР практически ушло с ранчо, оставив специального агента наблюдать за обстановкой и охранять вещественные доказательства. Фамилия этого человека была Спинелли, и Уайману приказали поддерживать с ним связь.

Ворота ранчо представляли собой два ствола дерева с перекладиной, на которой висел череп лося с громадными рогами. Форд ехал по территории ранчо, и перед ним расстилась поросшая травой прерия со стадами коров – на фоне внушительных гор, верхние гряды которых были покрыты свежим снегом. Живописная дорога привела к длинному деревянному дому в роще тополей рядом с журчащим ручьем. Блестящие желтые листья деревьев шелестели на ветру. Форд остановил машину на грунтовой стоянке перед домом. На краю площадки стоял коричневый «Форд Краун Виктория». Дальше располагалась конюшня, а за ней – стойла, загоны и орошаемые пастбища.

Не успел детектив подняться по ступенькам крыльца, как из дома вышел старик. Из-под его ковбойской шляпы выбивались седые волосы. Прищурившись, он посмотрел на неожиданного гостя, и выражение его лица никак нельзя было назвать дружелюбным. Он был в пыльных джинсах, а сапоги его были заляпаны конским навозом.

– Уайман Форд, – представился сыщик.

Мужчина не обратил внимания на протянутую руку гостя, и она повисла в воздухе.

– Еще один следователь? – спросил он хмуро.

– Я надеялся, это не так очевидно. – Форд убрал руку.

– На кого вы работаете?

– Управление по разработке политики в области науки и техники, Белый дом.

Старик снова прищурился:

– Вы хотите сказать, что работаете на президента?

– В каком-то смысле.

– Мне он не нравится. Я не голосовал за него четыре года назад и теперь не собираюсь.

Говорят, у него сердце пошаливает. Как такой человек будет справляться со стрессами? Что, если он свалится с сердечным приступом, когда Северная Корея запустит ракету с ядерной боеголовкой?

Уайман подавил раздражение, которое у него вызывал говорливый мужчина.

– Мистер Клентон, лично мне президент тоже не нравится, но это не имеет отношения к делу, – ответил он сухо. – Политика не входит в мое задание.

Хозяин ранчо хмыкнул:

– Чем могу быть полезен?

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов и взглянуть на сожженную машину.

Майк сдержанно кивнул:

– Я отвезу вас на грузовике. На этой арендованной жестянке вы туда не доберетесь.

Форд пошел вслед за Клентоном и сел на пассажирское сиденье потрепанного пикапа, пропахшего моторным маслом и сигаретным дымом. Они поехали через ранчо в сторону гор по дороге, которая становилась все хуже и хуже. Старик закурил, не спросив разрешения, и кабина наполнилась тошнотворным дымом – даже несмотря на опущенные стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.